

Ирина Мельникова

АНГЕЛ СЕРДЦА

Ирина Мельникова

Ангел сердца

«Издательские решения»

Мельникова И.

Ангел сердца / И. Мельникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933866-2

Вчера у десятиклассницы Нади была обычная жизнь: она ходила в школу с английским уклоном, терпеть не могла математику, по вечерам гуляла с лучшей подругой... Но всё перевернулось, когда в день города в небе появились военные вертолёты. В охватившей горожан панике Надя теряет подругу и слепо следует за неведомо откуда взявшимся парнем, вызвавшимся помочь ей. Подростки укрываются в одном из магазинов, а когда рискуют снова выбраться на свет, понимают, что в городе практически никого не осталось...

ISBN 978-5-44-933866-2

© Мельникова И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ангел сердца

Ирина Мельникова

Редактор Анастасия Мельникова

© Ирина Мельникова, 2018

ISBN 978-5-4493-3866-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

От дома до автобусной остановки триста двадцать семь шагов. На это уходит чуть меньше пяти минут. А если быстрым шагом, можно успеть и за три. Сначала – утром, потом столько же – после занятий в школе.

И почему меня не отправили в обычную школу через дорогу? Обязательно нужен какой-то уклон, иначе обучение считается неполноценным. Только родители совсем забыли, что сами учились в обычной школе без всяких там заморочек, и ничего, стали вполне успешными людьми. Мама – менеджер в крупной турфирме. Отец занимается бизнесом, открыл несколько маленьких, но уютных кафешек в центре города, где мы с Ликой любим посидеть во время вечерних прогулок.

Кстати, о Лике. Не знаю, чтобы я делала, если бы её не было в моей жизни. Наверно, мне жилось бы гораздо тоскливее. Она моя лучшая подруга. Сдружились мы не так давно, всего пару лет назад, хотя учимся в одном классе уже десятый год. Мы слишком разные, а потому часто не совпадаем в интересах и даже ссоримся по этому поводу. Поэтому для многих одноклассников, да и для нас самих, если честно, стал удивительным тот факт, что мы подружились. Я и сама не могу припомнить момент, когда всё произошло. Может быть, когда нас посадили за одну парту делать лабораторную работу по химии? Или когда я забыла формулу по алгебре, стоя у доски, а она подсказывала мне, так как сидела ближе всех, на первой парте? А может, когда она лежала в больнице с аппендицитом, а я её навестила? В общем, медленно, но верно, по кусочкам, как частички одного паззла, наши отношения из минуса превращались в плюс, пока мы вдруг не поняли, что делить нам нечего, и повода для ссор нет. А то, что мы разные, может быть только на пользу – нам есть чему учиться друг у друга!

Лика отходчивая, общительная, с ней не нужно думать о том, чем скрасить неловкое молчание – таких проблем у нас не возникает. Ей всегда есть что рассказать, чем поинтересоваться. А сколько у неё знакомых! Кажется, с каждым вторым в нашем городе она обменивается приветами и парой незначительный фраз вроде: «Как дела? Куда направляешься?» Я так не могу. Я более закрытый человек, тщательно оберегаю свое внутреннее пространство и доступ туда получают совсем немногие, те, кому я искренне верю. Пожалуй, таких людей в моем окружении можно посчитать по пальцам одной руки – мама, папа, бабуля и Лика.

В младших классах у меня был ещё один друг – Виталик. Мы жили в соседних дворах, каждый день встречались в песочнице. А самая крепкая дружба, как известно, именно там и зарождается. Я до сих пор помню, какие красивые у него были формочки для песка: машинки, вишенки, цветочки... И он, добрый мальчик и будущий галантный кавалер, всегда с улыбкой предлагал мне первой выбрать любую формочку и делать «тортики». Так произошло наше «распределение обязанностей» – я была продавцом-изготовителем, а Виталик – покупателем, расплачивающимся зелеными листочками сирени вместе денег.

Потом мы пошли в один класс. И его, и меня мамы отдали в единственную на тот момент в нашем городе школу с английским уклоном. Виталика я, пожалуй, даже могу назвать своей первой любовью. Я хорошо помню его серьезные карие глаза, стеснительную улыбку, белобрысый чуб, никак не желающий укладываться вправо или влево, и какой роскошный букет белых гладиолусов был у него на первое сентября. В школе я поняла, что он мне нравится больше, чем друг, но приставать к мальчишке с такими глупостями не стала – вдруг он обидится и не станет ходить ко мне в гости? Сейчас это кажется мне таким наивным и смешным, а тогда я всё принимала всерьез. И взяла за правило, что лучше молчать, но иметь возможность быть рядом, чем кричать на каждом углу о своих чувствах и быть отвергнутой.

А потом Виталик уехал. Мы едва закончили пятый класс, когда его родители собрались переезжать в другой город, поближе к столице. Помню, как обидно мне было, когда он ска-

зал мне об этом со счастливым видом, предвкушая грядущие перемены, полный энтузиазма. «Предатель!» – выкрикнула я и выставила его за дверь. Думала, у нас ещё будет время помириться. Надеюсь, что Виталик поймет, что наша с ним дружба гораздо важнее и передумает. А он уехал через два дня. С тех пор мы больше не виделись, и я даже не представляю, как он сейчас выглядит.

Странно, что сегодня мне это вспомнилось. Я уже давно не думала об этом мальчике, как о давно забытой незавершенной истории. А сегодня к нам в гости пришла одна из маминых подруг – тетя Галя, с которой они давно не виделись, и, заметив меня, сделала удивленное лицо и всплеснула руками:

– Наденька! Вот так выросла! Катя, ты посмотри, какая у тебя дочь стала! Я помню её большеглазой светловолосой девочкой четырех-пяти лет, а сейчас передо мной сидит уверенная в себе красавица на выданье! Да-а-а, мы стареем – вы растете, – она вздохнула, усаживаясь напротив меня и пристально изучая взглядом, отчего мне стало не по себе, и с явным интересом задала вопрос о моей личной жизни: – Рассказывай, Наденька, женихи-то есть?

И почему каждый второй пытается вторгнуться в моё личное пространство и вырвать из души признания? Почему они все считают себя полноправными задавать такие вопросы? Неужели нельзя интересоваться только учебой и увлечениями в свободное время? Мне не нравится, что в стандартный набор вопросов теперь вошел и этот: «женихи-то есть?»

Опустив голову, я пробормотала что-то невнятное, и мамина подруга громко рассмеялась:

– Ой, ладно, застесняла девку! Не хочешь – не говори! Ты в каком нынче классе?

Кое-как дождавшись пяти часов, я бросила умоляющий взгляд на маму, напоминая о нашей договоренности.

– Иди, – разрешила она с полуулыбкой на лице, и я, быстро поцеловав её в щеку и попрощавшись с тетей Галей, выскочила из дома.

В переполненном автобусе я добралась до центральной площади, где намечался концерт в честь дня города. Я не люблю массовые мероприятия, когда вокруг много народу и ты невольно теряешь сам себя, но вместе с тем мне нравится это ощущение праздника, невероятная атмосфера детства и радости, которая царит в городе весь этот день.

Выбравшись из автобуса на нужной остановке вместе с большей частью пассажиров, я тут же набрала номер Лики. Она ответила уже через несколько гудков:

– Я подъезжаю! Стой на остановке и никуда не уходи. Две минуты!

Куда ж мне уйти? Придется ждать. Опаздывать куда-то и ожидать чего-то не любят почти все мои знакомые. Злятся, ворчат, а время от времени всё равно попадают в подобные ситуации. С опозданием всё понятно: вышел бы пораньше, не пришлось бы корить себя за несобранность и гнать «скорее, скорее...» А вот что делать с ожиданием? Если не ты, а твой попутчик, друг, собеседник опаздывает? Я люблю ждать. Ведь это момент, когда появляется время о чем-то подумать, остановиться, взглянуть на жизнь и мир вокруг себя. Ведь мы всё время вращаемся вокруг своей оси, видим только себя и свои проблемы, а до других дела нет. А так как Лика частенько опаздывает, подобное время для размышления, хоть по паре минут, у меня выкраивается частенько. Этого, конечно, недостаточно, чтобы целиком отвлечься от своих насущных проблем и окунуться в бурлящую жизнь вокруг, где ты – только сторонний наблюдатель. Но иногда наталкивает на разные интересные мысли.

Например, один из актуальных вопросов для меня – как в таком количестве людей, сотни лиц, которые каждый день спешат мимо, можно узнать того человека, что станет судьбой? Как пара секунд могут перевернуть жизнь двоих? Загадка, на которую я ещё не получила ответа.

С площади раздавались звуки музыки и неразборчивые слова, произносимые ведущими в микрофон. То там, то здесь слышались веселые крики отдыхающих. Каждые двадцать секунд к остановке подъезжал какой-нибудь автобус, выпуская ещё один поток людей. Все они такие

разные. Вот пожилая пара, солидно шагающая по тротуару и с доброй, счастливой улыбкой оглядывающая попадающихся навстречу людей. Они не держатся за руки, но идут близко-близко, и я им немного завидую. Они не утратили родство душ, а это действительно ценно.

Вот семейная пара с бегущей впереди девчужкой лет четырех. Девочка держит в руках яркий шарик и что-то напевает. Неужели и я была такой же? Уже и не помню. Как будто мне всегда было шестнадцать. И каждый день – ранние подъемы, зарядка, завтрак, триста двадцать семь шагов до остановки, пятнадцать минут – поездка в автобусе, школа... Не то чтобы я не люблю её, просто некоторые предметы выводят меня из себя. Почему таким неспособным к вычислительным операциям девушкам, как я, не позволить выучить математику в рамках начальной школы и не заставлять зубрить эти непонятные формулы, интегралы, тригонометрические функции, которые лишь заполняют мозг лишней информацией?!

Ли́ка говорит, что наш препод по математике классный и нам повезло. В параллельном десятом «А» алгебру и геометрию ведет сварливая женщина преклонных лет, которая всегда ходит с недовольным лицом и презрительно смотрит на окружающих из-под стекол своих очков. Да, конечно, он классный, но только если у тебя с математикой полный порядок. А у меня с ней полный провал! И даже классный препод не поможет мне вытянуть в этом полугодии свою оценку на четверку. Конечно, до конца полугодия ещё достаточно времени и «если я приложу достаточное количество усилий и желания», у меня всё получится – именно так и твердит этот «классный», но у меня нет абсолютно никакого желания пытаться понять эту «царицу всех наук» без которой «непостижимо устройство мира» (опять же, цитируя математику). Я уже устала, несмотря на то, что учимся мы всего три недели. Знаете, мне ближе высказывание Джорджа Пойа, который писал: «Математика – это доказательство самых очевидных вещей наименее очевидным способом». Разве не так?

Очередной подъехавший к остановке автобус выпустил новую партию пассажиров. Сегодня все едут на праздник, в центр города, где можно встретить половину своих знакомых (проверено опытом!) – так много людей здесь собирается.

На этот раз среди вышедших из общественного транспорта я вижу и Ли́ку. Гордо расправив спину и улыбаясь своей солнечной улыбкой, она шла мне навстречу и сразу же чмокнула в щеку:

– Привет! Не заждалась?

– Да нет, – немного лукавлю я.

– Что-то с погодой сегодня странное, я зонтик взяла, – помахивая зонтом-тростью в руках, произнесла Ли́ка.

Я подняла глаза к небу и заметила серые тучи, медленно обволакивавшие небо и грозившие пролиться дождем. Но, может быть, ветер унесет их в другую сторону, и непогода минует сегодня наш город?

– Как думаешь, будет сегодня выступать кто-нибудь из приглашенных артистов? – спросила я, прикидывая в уме, кого бы хотела увидеть, и чье выступление может потянуть бюджет нашего города.

– Не слышала ничего об этом. Но вообще – не исключено. А ты бы кого хотела видеть? Кого-нибудь из попсы?

Вообще-то я всегда осаждаю тех, кто скептически выражается по поводу этого музыкального направления. Я действительно предпочитаю слушать поп-музыку, но это не значит, что вся она – сплошное недоразумение. Как и в любом жанре, здесь есть достойные представители искусства, и те, кто жаждет славы и (или) денег, не заботясь о качестве. Это есть везде: и в роке, и в рэпе, и в хип-хопе – везде! Но негативно отзываются почему-то всё чаще именно об этом музыкальном направлении. Хотя тексты отдельных исполнителей отнюдь не лишены смысла. Эти мысли я неоднократно высказывала подруге, поэтому она, вероятно, уловив перемену в моем лице, примиряюще произнесла:

– Я никого не хотела обидеть. Просто поп-музыка – слишком длинно.

– Не длиннее, чем твой любимый рок-н-ролл, – снисходительно улыбнулась я, кривя губы в усмешке.

С моим настроением что-то не то. Зря я, наверное, вспомнила про математику. Эти мысли всегда действуют на меня негативно.

Мы с Ликой неспеша брели вдоль витрин магазинов, и я ловила наши с ней отражения, невольно сравнивая их. Мы даже внешне с ней разные. Неунывающая подруга всегда яркая, стильная, ухоженная барышня. Со светлыми волосами чуть ниже плеч, в ярко-красном плаще на пуговицах, с зонтиком-тростью в руке и маленькой сумочкой через плечо.

Я чуть повыше её. Мои волосы темно-русого цвета переброшены на одно плечо и немного выются. На мне теплый серый джемпер и джинсы, а на плече обычная сумка светло-коричневого оттенка. Лика время от времени пытается убедить меня, что я симпатичная, что у меня выразительные карие глаза и длинные ресницы, немного пухлые губы и красивый цвет волос, но я не считаю это поводом для гордости. Пусть Лика и не обладает настолько хорошими природными данными, чтобы затмевать других девушек, но она умеет подать себя – вот что главное. Ей не нравился её невнятный цвет волос – перекрасилась в блондинку. Ей плевать, что в ней всего сто шестьдесят пять сантиметров, она носит туфли на каблуках по желанию и спокойно может пойти в балетках. Она говорит то, что думает, и люди – удивительно! – принимают и любят её такой. Она всегда окружена вниманием, как мужским, так и женским. А её легкий характер позволяет ей обходиться без видимых врагов и неприятелей. В ней скрыто необъяснимое обаяние, притягивающее людей как магнит. Вот это главное. Вот этими свойствами я бы хотела обладать. Но я меланхолик, заикленный на себе и предпочитающий осторожно поглядывать на окружающих из своего панциря, чем высовываться самой и пытаться что-то доказать миру.

Пока я думала об этом, Лика болтала о каком-то знакомом, пытавшемся пройти конкурс в крутую вечернюю школу иностранных языков.

Звуки в площади уже стали весьма отчетливыми, до неё оставалось совсем недалеко. Нас постоянно кто-то обгонял, кто-то шел навстречу, покидая шумное пространство центра. Малыши с воздушными шариками, наполненными гелием, родители, гордо следующие за своими чадами и не выпускающие их из вида, молодые влюбленные пары и живыми, лучащимися счастьем взглядами. Кажется, весь город сегодня был пропитан необыкновенной атмосферой праздника и веселья.

«Надя, тебе нужно отключить мысли и просто порадоваться тому, что ты видишь», – мысленно произнесла я, делая вдох и выдох и стараясь взглянуть на мир другими глазами.

Сколько раз я пыталась это сделать! Но не бывает такого чуда, чтобы – раз! – в один из понедельников проснуться новым человеком, полюбить весь мир и принять саму себя такой, какая есть. За всем этим стоит планомерная работа над собой и своими мыслями, я это знаю. Но в моих мечтах быть другой получается лучше, чем на самом деле.

Внезапно мой слух уловил какие-то звуки, вклинивающиеся в общее веселье, диссонансом врезающиеся в музыку, не вписывающиеся в общий фон. Звук был похож на вибрацию, и он возрастал, становясь все сильнее.

– Что это? – спросила я Лику, пытаясь определить, откуда исходит этот шум.

Подруга недоуменно подняла голову к небу, стараясь прислушаться, но в этом скоплении людей и звуков ничего невозможно было понять.

Люди вокруг тоже стали с любопытством поднимать головы. Они смеялись, болтая о чем-то своем, тыкая пальцем в небо и строя различные догадки.

Через десять секунд за деревьями показались вертолеты. Их было несколько, и они были какого-то странного вида. Прежде мне доводилось видеть только пассажирские вертолеты,

а эти были темно-серого цвета и выглядели мощно и устрашающе. Звук от работающих моторов возрастал, и не услышать его теперь стало невозможно.

Сердце тревожно забилося в груди. Я безотрывно смотрела вверх, не понимая, почему они летят так низко и куда держат путь в таком количестве.

Молодые люди, остановившиеся рядом с нами, указывали пальцем в небо, махали руками и кричали:

– Привет! Эй, мы тут! – Два парня и две девушки чуть старше нас с Ликой.

– Пошли подальше, вон туда, здесь деревья мешают их видеть, а я хочу заснять на мобильник такую экзотику в нашем захолустье, – предложил один из парней, и я проводила их взглядом, пока они не потерялись из вида в толпе.

– Что это? – ещё раз произнесла я, не столько обращаясь к подруге, сколько пытаюсь унять смутную тревогу, возрастающую с каждой секундой.

Вертолеты уже пролетели над нами и теперь двигались дальше, в сторону площади. Я насчитала шесть штук.

– Не знаю. Может быть, это запланировано? – пожала плечами подруга. – Какой-нибудь сюрприз.

Я хотела сказать ей, что не представляю, какой сюрприз может быть связан с этими штуками, но не успеваю, потому что в этот момент произошло то, чего никто не мог ожидать.

Один из вертолетов, идущих впереди, опустился ниже, зависая прямо над площадью. А потом с оглушительным грохотом что-то рухнуло на площадь, накрывая волной огня тех, кто на ней собрался.

Глава 2

Я непроизвольно вжала голову в плечи и зажмурила глаза. С разных сторон раздались крики ужаса. Они повсюду. Люди в панике расталкивали друг друга, стараясь скорее убраться отсюда. Меня оттолкнули в сторону, и мне пришлось разлепить веки.

Я открыла глаза и увидела, как густая пелена дыма поднималась вверх. Вертолетов нигде не было видно.

«Взрывчатка! Они сбросили на площадь взрывчатку!» – пульсировало в голове.

Я не видела её падения, но слышала мощный взрыв как раз в районе площади, всего в пяти минутах ходьбы от нас.

– Что происходит? – прокричала я и не расслышала собственный голос. Он потонул среди общего хаоса.

Теперь страх атаковал меня, полностью овладел моим сознанием. Я чувствовала, как судорожно сжимается сердце, как кружится голова, и ноги вдруг стали какими-то ватными. Всё вокруг превратилось в сплошной хаос.

Я судорожно огляделась, отыскивая глазами подругу, и наконец столкнулась с её испуганным взглядом. Каким-то образом мы оказались в десятке шагов друг от друга, а между нами – нескончаемый поток людей с безумными глазами, мчащихся прочь.

Подобные моему крики раздавались со всех сторон. Люди безжалостно расталкивали друг друга, ещё больше увеличивая расстояние между мной и Ликой. Людской волной, невыносимым потоком, образовавшимся вокруг в один миг, нас растащило в разные стороны.

Ещё на секунду я успела поймать на себе её безумный взгляд и расслышать свое имя, а потом меня резко толкают, отчего я едва не упала на землю.

В памяти отрывочно мелькает что-то из школьного курса ОБЖ: надо двигаться вместе с толпой, выставить вперед локти и защищаться, нельзя упасть или меня затопчут.

Я старалась пробиться от середины потока к краю, но это оказалось не так легко. Я хотела оглянуться в поисках Лики, но какой-то мужчина сзади тут же грубо пихнул меня ногой, с негодованием восклицая:

– Живее! Ты что, жить не хочешь?

Поток людей нескончаем: лица, лица со всех сторон, куда не глянь – обезображенные ужасом, зареванные, кашляющие, панически оглядывающие друг друга. Кажется, этому не будет конца. Люди безжалостно наступают на ноги, бьют по голове и рукам, стараясь выбраться. Все опасаются повторения взрыва.

Где-то проскочило слово «теракт», и снова леденящий ужас скользнул по лицам услышавших это.

«А ведь кто-то погиб... Там было много людей», – мерцает в моем сознании.

С запозданием слышится противный гул сирен, усиливая панику ещё больше.

До края ещё несколько десятков шагов. Я оказалась в самой гуще толпы и теперь безуспешно пыталась работать локтями, чтобы выбраться из потока. Но мой минимальный вес против огромной беснующейся толпы был подобен дробинке для слона – никакого результата.

Наконец мне удалось притереться к стене одного из магазинчиков. Я перевела дух и постаралась нормализовать сбившееся дыхание. Мне было страшно обернуться и увидеть весь ужас, творящийся позади.

Окна магазина были разбиты, на земле остались следы свежей крови, видимо, люди в панике пытались выбраться через окно.

Я растерянно переводила взгляд с одного на другое, не в силах ни на чем сосредоточиться. Что делать? Что делать? Паника овладела мной, лишая способности соображать.

Я прижалась спиной к стене, мгновенно ощущая холод, но не реагируя. По щекам катились слезы отчаяния, и я даже не могла сказать, как давно плачу. Все силуэты стали смазанными, нечеткими.

«Пожалуйста, только бы этого больше не повторялось», – мысленно молила я, зажмуриваясь и что есть мочи закусывая губу.

– Ты что стоишь? Это, знаешь ли, не самое лучшее укрытие, – раздался вдруг резкий голос рядом со мной, и я, с трудом разлепляя мокрые веки, увидела перед собой очертания незнакомого парня.

– Пошли!

Он безапелляционно схватил меня за руку и потащил за собой, не дав мне опомниться.

– Быстрее! – отрывисто командует он, продираясь сквозь толпу и не выпуская моей руки из своей железной хватки.

Его голос звучал уверенно, и это придало мне сил и успокоило. Мне не надо было ни о чем думать, я просто выполняла его указания.

Я не знала, друг он или враг, куда он ведет меня и что будет дальше. Я не могла об этом думать. Я могла только действовать, словно робот, выполняя команды.

В этот момент меня переполняла благодарность к незнакомцу и ненависть к людям, затеявшим всё это, испортившим праздник и погубившим жизни людей, к этим примитивным уродам, запрограммированным на то, чтобы убивать людей ради достижения каких-то корыстных целей. Эти чувства настолько сильные, что у меня перехватывает дыхание.

Миновав толпу и свернув в переулок, парень пустился бегом, и я последовала его примеру. Мне пришлось бежать вдвое быстрее, чтобы мои короткие шажки поспевали за его длинными шагами. На секунду меня озарило понимание, что, помимо того, что я слеую за незнакомцем, которому, возможно, нельзя доверять, я также не знаю, куда он ведет меня. Но выбора не было, поэтому я прибавила ходу, хотя и без того уже задыхалась.

Каким-то чудом мы наконец выбрались из центра и оказались в маленьком переулке, где почти никого не было. Я слепо следовала за своим проводником, не задавая вопросов. Он всё ещё держал меня за руку, хотя тут нас уже вряд ли смогли бы разъединить. И всё-таки это не зря, потому что, не глядя под ноги и всё ещё не избавившись от слез, я споткнулась о торчащий посреди дороги булыжник и едва не упала. В ногу отдало резкой болью, но прежде чем парень обернулся, чтобы взглянуть на меня и понять, в чем дело, я успела взять себя в руки и сделать вид, будто ничего не произошло.

Идти становилось всё труднее. Наверно, я вывернула ногу или что-то вроде того. К счастью, парень снизил скорость. Наши шаги становились всё тише, и я наконец заметила, какая угрожающая тишина установилась вокруг.

Парень свернул к небольшому одноэтажному кирпичному зданию, на котором висела табличка «Продукты», увлекая меня за собой. Дверь оказалась незапертой, и мы забрались внутрь.

Я едва справилась с болью, когда мне пришлось преодолеть три ступеньки вверх, но сделала всё, чтобы мой спутник этого не заметил.

Внутри оказалось темно и пусто, не считая заставленных полок с продуктами и светящихся морозилок с напитками.

– Почему он открыт? – первое, что я произнесла, чувствуя себя в некоторой безопасности и с любопытством озираясь вокруг.

– А ты как думаешь? – он снисходительно взглянул на меня, как взрослые смотрят на детей, когда те ведут себя неподобающим образом, а затем указал на дверь за прилавком, которую я сразу не разглядела, – Нам сюда.

Я поразилась, как быстро он смог обнаружить тайник и почему привел нас именно сюда. Он так хорошо ориентировался, и вел себя уверенно, словно знал наперед, куда ему надо, и что

здесь будет открыто. Мне не терпелось спросить у него об этом, но я благоразумно помалкивала.

Идти туда, куда он звал, мне не хотелось – вдруг это ловушка, а не тайник? Я ведь не знаю, что он за человек. К тому же, когда парень приоткрыл дверь, внутри оказалось совсем темно.

– Я страдаю клаустрофобией и боюсь темноты, – призналась я, безотрывно глядя в темное пространство.

– Очень приятно. А я боюсь врачей. Особенно стоматологов, – без тени улыбки произнес он.

– Ну, в таком случае, здесь-то тебе точно нечего бояться, – пробормотала я в ответ, прежде чем сделать робкий шаг вперед здоровой ногой.

По крайней мере, хуже, чем было двадцать минут назад вряд ли станет.

Парень подсвечивал путь телефоном, и я заметила, что внутри не так уж и плохо – просто подсобное помещение, в котором хранятся какие-то мешки, накрытые одеялами, несколько черных ящиков с фруктами...

Здесь давно не убирали и в воздухе стоял затхлый запах и ощущение пыли вокруг, но это вполне можно было пережить. Знать бы, что дальше?!

Парень кивнул на один из мешков, предлагая присесть, а сам нашел выключатель и щелкнул по нему пальцами. Помещение озарилось тусклым светом, но это лучше, чем сидеть в крошечной тьме.

На всякий случай парень прикрыл дверь в подсобку и обернулся ко мне со словами, которых я ожидала меньше всего:

– У тебя болит левая нога.

– Нет, – ответила я и тут же прибавила, – Как ты догадался?

– Дай-ка я посмотрю.

– А ты что, врач или вроде того?

– Я не врач, – размеренно произнес он, и его лицо снова приобрело недовольное выражение, будто ему приходится уговаривать маленького непослушного ребенка, – А у тебя есть другие варианты?

Он ловко засучил рукава и взялся за мою ступню. Я тотчас невольно вскрикнула от пронзившей ногу резкой боли.

– Растяжение, – вынес он вердикт.

Я осторожно сглотнула и промолчала. Мне было страшно от того, что я не знала, что он сейчас скажет.

Незнакомец поднялся на ноги и задумчиво постоял пару секунд. Затем кивнул в сторону моей больной ноги:

– Болит?

– Не очень.

– А если честно?

– Честно, когда сижу, почти не болит.

Он удовлетворенно кивнул, а я продолжила внимательно наблюдать за ним из-под ресниц, стараясь, чтобы он не заметил. В нем, наверное, не меньше метра девяносто роста. И у него очень красивые руки – смуглые, с выступающими венами и длинными пальцами, как я люблю. Я могла бы смотреть на его руки бесконечно, но вместо этого любовалась пылью на полу и стеснялась лишний раз взглянуть на его лицо. Мне удалось рассмотреть его лишь урывками, но и этого было достаточно, чтобы определить, что парень вполне симпатичный. Он похож на мужественных и отважных героев из черно-белых фильмов. Секунда – и я отмечаю темные, аккуратно подстриженные волосы. Вторая – нос с небольшой горбинкой. Ещё одна – серьезные, не улыбающиеся глаза, направленные в сторону двери. Парень находился в раздумье, и я ему не мешала, молча изучая его внешний вид.

Он был одет в темные джинсы, серую футболку и черную кофту, рукава которой засучил до локтя. На правой руке – часы на черном ремне, с крупным циферблатом. На вид он выглядел моим ровесником.

Наконец парень перевел на меня взгляд, и я не успела вовремя отвести глаза, отчего почувствовала себя как нашкодивший котенок.

– Побудем пока здесь. Ты есть хочешь?

На самом деле, немножко хотелось, но...

– Но ведь это будет воровством, – озвучила свои мысли.

Он внимательно посмотрел на меня тяжелым взглядом, но я не отвела глаз, потому что знала, что права. Не важно, что происходит сейчас снаружи, мы должны оставаться честными и не преступать эту грань.

Парень ничего не ответил и просто вышел за дверь. Я боялась, что он не вернется, но выглянуть не решалась. Так и сидела, прижимая к себе сумочку с ненужными теперь вещами – мобильным телефоном, проездным, записной книжкой, куда иногда записывала свои умозаключения, пачкой влажных салфеток и связкой ключей.

Я потянулась к замку и открыла свою сумку, окрыленная новой мыслью. Нужно позвонить Лике и маме. Я должна знать, что с ними ничего не случилось. Я должна сказать, что со мной всё в порядке.

Первым я набрала номер подруги. Мы были в самом центре событий, вдруг с ней что-то произошло?! Руки тряслись мелкой нервной дрожью, пальцы не попадали на нужные кнопки. Наконец мне удалось отыскать её номер в телефонной книжке, но прежде, чем я успела нажать на «вызов», дверь приоткрылась, и я снова увидела своего спасителя. В его руках две банки колы, одна пол-литровая бутылка воды, пачка чипсов и пакет с печеньем. Я равнодушно смерила его взглядом, давая понять, что не буду даже касаться всего этого.

Заметив в моих руках телефон, парень мгновенно изменился в лице, рывком бросился ко мне и отшвырнул мобильный в сторону. Крышка и аккумулятор разлетелись в стороны.

Я в негодовании пронзила парня полным ненависти взглядом, но прежде, чем успела выдать из себя хотя бы звук, услышала его спокойный, ровный голос:

– Нельзя звонить. Мы не знаем, чем и какими устройствами они пользуются, нас могут вычислить.

– Да зачем мы им нужны?

– А ты знаешь их планы?

Это прозвучало так, что я не осмелилась возразить. Ещё и этот прямой взгляд, из-за которого я вынуждена отвести глаза в сторону...

Ладно, он прав. Если они намерены убивать людей, то какая им, в сущности, разница, что за люди это будут: двое подростков или взрослые мужики?!

– Я была там с подругой и потеряла её. Мне нужно узнать, всё ли с ней в порядке! Да и мои родители наверняка с ума сходят!

Он с непроницаемым выражением лица сел на один из мешков рядом со мной и холодно произнес:

– Исключено. Ешь.

Мне совсем не нравился его грубый тон, его несносный характер и чрезмерная самоуверенность.

– Не собираюсь, – подражая его интонации, заявила я и удивилась, откуда в моем голосе взялись эти металлические нотки.

– Как хочешь, – он равнодушно пожал плечами и с шумом открыл банку колы.

Во мне тотчас проснулась дикая жажда, но я осадилась, напомнив о том, что едва в этом магазине нам не принадлежит, и принципиально отвернулась, чтобы даже не смотреть в его сторону.

Несколько минут мы сидели молча. Я – сцепив руки и уставившись на свои переплетенные пальцы, он – поедая принесенные из магазина припасы.

– Как думаешь, это серьезно? – наконец прервала я молчание и взглянула на него, ища поддержки и утешения.

Незнакомец посмотрел на меня, пытаюсь понять, о чем речь, а затем ответил:

– Вряд ли чья-то глупая шутка.

От этих слов мне стало дурно. Что это было: начало войны? теракт? Будет ли это ещё? Что происходит сейчас там, за стенами этого магазинчика? А вдруг следующая бомба рухнет прямо на его крышу?

Я прислушалась, стараясь уловить какие-нибудь звуки извне, но тщетно.

Я резко взмахнула головой, отгоняя мрачные мысли.

– Ты всегда такой суровый? – предприняла ещё одну неудачную попытку прервать молчание.

– А что, есть повод улыбаться? – не глядя в мою сторону и делая новый глоток кока-колы, произнес он.

«Нет, повода нет, но мог бы вести себя и помягче, когда находишься рядом с девушкой», – хотелось сказать мне ему, но я молчала. Я должна быть благодарна хотя бы за то, что он вытащил меня из этого кошмара.

Он тоже вспомнил об этом, потому что в следующий миг я услышала:

– А ты, видимо, не только боишься замкнутых пространств и темноты, но ещё и не умеешь вести себя в толпе и бороться с паникой. Кажется, в школе этому учат.

В его голосе мне слышался сарказм, поэтому ответила я не слишком вежливо:

– Я не очень усердно учила в школе ОБЖ. Не думала, что эти знания мне когда-нибудь пригодятся.

Он фыркнул, но ничего не ответил. Меня понемногу начинала раздражать его манера вести себя так, будто он самый умный на свете, а со мной ему приходится объяснять элементарные вещи. Он редко смотрел на меня, а если и смотрел, то как будто делал великое одолжение. И он совсем не улыбался. Даже уголками губ. Ни разу за то время, что мы знакомы. Я понимала, что сейчас не самое подходящее время для улыбок, но его поведение создавало в моей голове не слишком хорошее впечатление о нем. Похоже, он по натуре диктатор. Их тех, кто всегда имеет свое правильное мнение обо всем, и презирает все остальные – неверные.

Я отвернулась к стене, не желая смотреть, как он доедает краденную пачку печений. Мне плевать, что веду себя как ребенок. Если он считает, что вправе поступать так, то я не собираюсь перешагивать через себя и терять заложенные в человеке частички честности и справедливости.

Расстегнув сумочку, я достала кошелек, пересчитав скромную сумму денег, которую взяла с собой и протянула парню:

– Вот.

Он недоуменно взглянул на купюры в моих руках, потом перевел взгляд на лицо, и его правая бровь удивленно приподнялась.

– Положи это в кассу. За ту еду, что ты взял, – пояснила я, презрительно сжимая губы.

Я вовсе не собиралась его устыдить, я лишь хотела, чтобы моя совесть была чиста.

Он сделал недовольное выражение лица, медленно выдохнул, пытаясь не заводится, а потом произнес:

– Это магазин моего отца. Я подрабатывал у него разнорабочим, имею право вместо своей зарплаты взять немного еды?

Я удивленно открыла, а потом закрыла рот, словно выброшенная на берег рыба, не находя нужных слов. А вдруг он обманывает? Просто нашел отговорку? Но воспоминание о том, как

он целенаправленно спешил именно сюда и сразу же нашел дверь в кладовку, убеждают меня в обратном. Ну ладно, раз это магазин его отца, это меняет дело.

Убрав кошелек в сумку, я подошла к всё ещё разбросанному по частям на бетонном полу телефону и попыталась вернуть его к жизни. Краем глаза я заметила, что парень с недоверием поглядывал в мою сторону, словно опасаясь, что я могу выкинуть что-нибудь ещё. Но я всего лишь хотела понять, жив ли мой мобильный после столь громкого падения и забрать его с собой, когда выберусь в город. Не оставлять же его здесь после трех лет, проведенных вместе, с архивами фото и видео, с гигабайтом любимой музыки.

Телефон молчал, напрочь отказываясь реагировать на нажатие различных кнопок, и я, обреченно вздохнув, вынуждена была констатировать:

– Ты его убил.

Никакой реакции не последовало. Что ж, ничего другого от такого чурбана как он, я и не ожидала.

– Долго мы здесь ещё будем?

– Не знаю. До завтрашнего утра, может быть.

– А какой смысл здесь сидеть? – выкрикнула я, предчувствуя, что за целую ночь в этом полутемном холодном подвале можно сойти с ума, – Может быть, там уже всё спокойно!

– Ты хочешь проверить? – его голос снова звучал надменно-холодно, и я вынуждена была подчиниться, обреченно прислонившись спиной к холодной стене и прикрыв глаза, словно это могло помочь прогнать мучительный кошмар.

Рисковать своей жизнью мне совсем не хотелось. К тому же я жуткая трусиха, и лучше уж буду торчать всю ночь здесь с этим неприятным типом, чем выйду одна туда, где час назад неизвестные сбрасывали бомбы на главную площадь нашего города.

– Как тебя зовут? – тихо спросила я, пряча руки в рукава своего теплого свитера, чтобы согреть озябшие ладони.

– Дима, – ответил он, не спрашивая моего имени.

Пришлось говорить самой:

– А я Надя.

Парень не отреагировал, словно не слышал, и я со злостью смотрела ему вслед, когда он вышел, чтобы выбросить пустую банку от колы и пакет от чипсов.

Я пыталась убедить себя в том, что мне повезло: я жива и нахожусь в относительной безопасности. Однако в подобной обстановке и с такой «дружелюбной» компанией верится в это с трудом.

Глава 3

Спать на твердом мешке, застеленном тонким одеялом очень неудобно. Я переворачивалась с одного бока на другой, пытаюсь улечься поудобнее, но так и не могла найти удачную позу, в которой могла бы надолго заснуть. В подсобном помещении магазина ощущалась прохлада, и я свернулась калачиком, чтобы сохранить ускользающее тепло.

К вечеру разыгралась гроза, и первый раскат грома заставил меня вздрогнуть и насторожиться. Я старалась справиться с не покидавшими меня слабостью и страхом. Мне хотелось чувствовать смелость, может быть, даже злость. Выскочить бы сейчас и... Не знаю, что бы я смогла предпринять и как это помогло бы предотвратить то, что уже случилось. Вместо этого я сидела в полумраке магазинчика и нервно тряслась, прислушиваясь.

– Это гроза, – равнодушно пояснил Дима, и это были все слова, которыми мы обменялись за вечер.

Я лежала, втягивая запах пыли и прислушиваясь к звукам, но ничего, кроме мерного дыхания Димы не слышала. Гроза давно закончилась и вокруг снова установилась тишина.

В эту бессонную ночь воспоминания и пережитые за день эмоции накрыли меня с головой. Я старалась не думать о том, что сейчас с моими родными и где они, удалось ли укрыться Лике.

Мне казалось непонятным, почему мы сидим здесь, когда, может быть, в городе всё давно успокоилось, и мои родители сбились с ног, разыскивая меня. Но безотчетный страх заставлял меня остаться здесь, рядом с парнем, которому волей – не волей придется доверять, раз уж я это сделала в самом начале, когда он тащил меня прочь из творившихся на площади ужасов в неизвестном направлении.

Я старалась позабыть о жутком гуле военных вертолетов и падающей с одного из них взрывчатке, об огромном столбе пыли, взметнувшемся после и страшных криках, в один миг наполнивших город. Но у меня не получалось. Наверно, теперь эта картинка всегда будет стоять перед моими глазами, а в голове будет биться мысль о том, что было бы, если бы вертолеты подлетели к площади на пять минут позже, если бы мы с Ликой успели дойти до цели.

Потом, неизвестно почему, перед моими глазами ясно встает лицо Димы, его пристальный взгляд, каким он изредка смотрел на меня, загорелое лицо, карие глаза и сильные руки. Его образ прочно врезался в мою память, совсем не так, как все остальные события сегодняшнего дня, казавшиеся мне сплошным туманом, чужими воспоминаниями, давно виденным в кино-театре фильмом.

Диме тоже плохо спалось. Он ворочался с боку на бок, поднимал голову, чтобы взглянуть, сплю ли я – и каждый раз я притворялась спящей. Он оставил свет включенным, и я полагала, это потому, что в самом начале нашего знакомства я призналась Диме, что боюсь темноты. На самом деле не так уж и боюсь, просто чувствую себя некомфортно. Сегодня я поняла, чего боюсь по-настоящему – войны и смерти. Больше всего я боялась услышать вновь выстрелы или взрывы, но вокруг стояла непроницаемая тишина.

Под утро мне удалось забыться тревожным сном, пока робкий щебет ещё не совсем проснувшихся воробьев не попытался разбить тишину. Они были совсем рядом, может быть, даже на крыше, и я улыбнулась, искренне веря в то, что жизнь продолжается, и сегодня, уже совсем скоро я вернусь домой, где меня ждут мои мама и папа, а завтра снова пойду в школу и, честное слово, попытаюсь понять эту несуразную математику, заучу все формулы и стану лучшей ученицей. Пусть только всё вернется обратно.

Мне удалось задремать ещё ненадолго, а когда я разлепила глаза, Дима сидел на мешке с прихваченными из магазина продуктами и завтракал. Я приняла сидячее положение и заметила, как сильно распухла моя нога в районе щиколотки.

– Блин, – еле слышно произнесла я, пытаясь коснуться её и чувствуя нестерпимую боль. Дима заметил это. Я перевела на него растерянный взгляд и увидела, как внимательно он изучает мою ногу, закусив губу и явно о чем-то раздумывая.

– Погоди-ка, – произнес он, поднимаясь и ненадолго покидая подсобку.

Вернулся он с небольшой бутылкой водки, пол-литровой бутылкой воды и пачкой каких-то таблеток.

– Так, – внимательно изучив рекомендации по применению таблеток, пробормотал Дима, – Головная и зубная боль, мигрень, боль в спине, мышечные и другие виды боли... Не знаю, как это поможет, но вот всё, что смог найти. Выпей. Вот вода. И надо спиртом протереть ногу.

– А вдруг это перелом?

– Ты встать можешь?

Я осторожно, опираясь о стену, попробовала встать на больную ногу и почувствовала острую боль.

– Могу, только не опираясь на нее, – призналась с жалобным выражением лица.

Конечно, грех жаловаться на мою невеликую травму по сравнению с тем, что могло быть, не появившись на моем пути вчера Дима, и всё же это весьма обидно. И очень больно. Боль стала гораздо резче, чем вчера вечером.

– Ладно, давай позавтракаем, а там разберемся. Это возьмем с собой, – кивнул он на пачку таблеток и бутылку воды, а затем предложил сходить в основную часть магазина и выбрать что-нибудь поесть.

Я хотела было снова воспротивиться, но потом поняла, что сейчас не время ставить вперед себя свои принципы. Кто знает, когда в следующий раз мне удастся перекусить и что ждет нас после того, как мы выйдем за пределы этого укрытия. Поэтому я без лишних слов и нотаций последовала за Димой, и пока он набирал продукты в большой пакет, вероятно, для того, чтобы захватить их с собой, перекусила бананами, печеньем и черным хлебом.

Я как раз закончила свою трапезу, когда Дима обернулся ко мне и произнес:

– Готова?

Я кивнула, не совсем понимая, к чему именно должна быть готова. Доковыляв до подсобного помещения и забрав свою сумку, я бросила последний жалостливый взгляд на свой телефон и волевым усилием заставила себя оставить его здесь. От него больше нет проку.

– И что дальше? – показываясь в дверях, осведомилась я.

– Я так думаю, ты не захочешь спускаться по этой лестнице, – произнес Дима, кивая в сторону небольшого подъема в магазин, который я вчера преодолела с большим трудом. – Хочешь, помогу тебе?

Я утвердительно качнула головой, так как другого варианта у меня не было. Осторожно положив руку на плечо парня, я почти повисла на нем и так, прыгая на одной ноге, преодолела три ступеньки вниз.

Впервые за двенадцать часов мы снова оказались на свежем воздухе, и я впервые увидела город после нападения. Здесь, возле укрытия, в котором мы провели ночь, ничего не изменилось: дома стояли, как прежде, в рядок, деревья слегка покачивались и шелестели оранжево-желтой листвой, а над всем этим голубело бескрайнее небо. Но что насторожило меня, пусть и не сразу: город был как-то тих и совсем безлюден. А ведь сегодня понедельник, и мы совсем недалеко от центра. Но ни гудков спешащих автомобилей, ни других звуков, которые всегда сопровождают живущий в быстром ритме город, не было. Тишина!

Мне снова стало страшно.

Я перевела взгляд на Диму, стараясь понять, о чем он сейчас думает. Парень, похоже, находился в затруднении и продумывал наш дальнейший маршрут.

– Почему здесь так тихо? – почти шепотом осведомилась я, опасаясь, что на звук моего голоса из какого-нибудь укрытия немедленно выскочат люди в масках, с автоматами наперевес и убьют нас или захватят в плен и будут пытаться. В таком случае неизвестно, что будет лучше.

Дима не удостоил меня ответом, и тогда я решила, что больше не намерена ему подчиняться. Он не реагирует на мои слова, не отвечает на мои вопросы, и вообще, ведет себя так, будто я и не человек вовсе. Надоело!

– Я пойду домой, – собрав всю волю в кулак, твердо заявила я.

Он даже не взглянул в мою сторону, продолжая оставаться безучастно-задумчивым. Да что он, в конце концов, из себя строит?

– Эй! – я провела рукой перед его носом, заставляя обратить на себя внимание. – Вообще-то я сказала, что иду домой.

– Ты видишь, что происходит? – как можно спокойней произнес он, хотя я видела, что дается ему это с трудом.

Конечно, не обратить внимания на то, что что-то не так, было невозможно, однако я изо всех сил старалась не поддаваться панике и казаться храброй.

– Может быть, это потому, что мы как идиоты сидели всю ночь в подвале, а в это время всех жителей эвакуировали!

– Может быть. Но, в таком случае, теперь нам надо действовать самостоятельно.

Он так просто размышлял обо всем случившемся, будто дело касалось не наших с ним жизней, а захватывающего компьютерного приключения. А вот мне спокойствия как раз не хватало. Нервы начинали сдавать.

– И что ты предлагаешь? Ну-ка, озвучь свой гениальный план.

Он посмотрел на меня тяжелым взглядом, но мне было всё равно. Я устала, я хочу домой, к родным и близким, а не таскаться за этим идиотом по всему городу в поисках приключений.

– Нужно понять, что происходит. Попробовать проверить больницу или полицию, может быть, там кто-то есть. В городе должен был кто-то остаться.

– Да-а-а, и сейчас они сидят и ждут нас, – с сарказмом выдала я.

– А ты что предлагаешь? – не выдержал он, впившись в меня сердитым взглядом. – У тебя есть идеи получше?

– Вообще-то, если ты не заметил, у меня болит нога, и мне, возможно, требуется помощь врача. Но вовсе не факт, что добравшись до больницы мы обнаружим там кого-нибудь и не проделаем путь напрасно. Я собираюсь отправиться домой!

– Как?

– Да хоть пешком!

– Ну-ну, – язвительно бросил он, глядя на меня с неприкрытой иронией, как на несмышленного ребенка, но даже на этот раз уголки его губ ни на дюйм не поднялись вверх.

Мистер Неулыбайка какой-то, честное слово!

Я не собиралась больше с ним спорить, просто собралась с силами и заковыляла в сторону центра, надеясь, что хотя бы за полтора часа смогу осилить запланированный маршрут.

Мне хотелось обернуться, но я не могла этого сделать по двум причинам. Во-первых, я не хотела, чтобы Дима это заметил, если он тоже вдруг смотрит мне вслед. Во-вторых, я боялась, что увижу, как он уходит в другом направлении и передумаю. Больше всего я боялась остаться одна, и с каждым шагом понимала всю безрассудность своей затеи. Но я не из тех, кто поворачивает обратно. Однажды приняв решение, я всегда иду до конца.

Я как раз дошла до перекрестка – хотя «дошла» явно неуместно в моем положении – доковыляла, когда услышала тяжелые шаги позади, и у меня разом перехватило дыхание. Я представила, как мокрая тяжелая рука ложится на мое плечо, другая закрывает рот, чтобы я не кричала, а потом...

– Ты просто сумасшедшая! – услышала я голос Димы позади себя и облегченно выдохнула, стараясь не выдать своих чувств.

Это не они, не люди с автоматами. Это Дима, и он идет со мной! Неужели мне удалось переубедить этого непоколебимого всезнайку?

Я не удостоила его взглядом, за половину суток хорошо усвоив его тактику и решив действовать подобным же образом.

– Ладно, мы идем туда, куда ты скажешь, но потом, когда ты убедишься, что там никого нет...

– Этого не может быть! – перебила я, гневно глядя на него. – Мои родители не уехали бы без меня! Да и к тому же, в городе больше ста тысяч человек, их не могли всех эвакуировать за одну ночь!

– Значит, они попрятались так же, как и мы.

Я покачала головой, давая понять, что не верю его глупым доводам.

– Только давай всё же держаться не самого центра, а более окраинных улиц, – предложил он компромиссный вариант.

И тут я решила уступить. Это оказалось весьма уместно, так как, едва мы стали приближаться к эпицентру вчерашних событий, как картина города стала стремительно меняться. Ещё вчера красивый, богатый, украшенный к празднику, сегодня он был разорен, разрушен, испорчен. Окна витрин выбиты, столы в пустых кафетериях перевернуты, пробоины в стенах... А нехорошие надписи и незнакомая символика украшали почти каждый дом.

– Стебачи, – вдруг обронил Дима.

– Что? – растерянно взглянула на него я, не уверенная в том, что мне не послышался его голос.

– Это их рук дело.

– Кто это?

– Выделившиеся из нашей страны жители, которым не нравится государственный режим, политика правления, уровень жизни. У них своя идеология, и какое-то время они жили разбросанно по всем городам. Потом объединились. Какое-то время, пару лет назад, от них поступали угрозы в адрес правительства, но всё это быстро подавлялось и не доходило до сведения граждан.

– А ты откуда об этом знаешь? – удивилась я.

– Интересовался этой историей. Как-то услышал о них от старшего брата, стал искать подробности в Интернете и книгах, но там о них мало. Нашел один сайт, где они рассказывали о своих убеждениях и призывали присоединиться в их ряды для достижения лучшей жизни, которую они скоро смогут реализовать, а потом этот сайт закрыли, признав экстремистским.

– Но откуда у них такое вооружение?

– Возможно, им кто-то помогает.

«Кто-то из других стран? Из тех, с кем у нас натянутые дипломатические отношения? Или это люди из правительства, которые тоже чем-то недовольны? – подумалось мне. – Сколько их – стебачей? И как они выглядят?»

Я тряхнула головой и высказала то, что пришло мне в голову:

– Как можно добиться лучшей жизни, если для достижения этой цели ты становишься на тропу войны?

Это был вопрос, не требовавший ответа. Дима и не ответил. Некоторое время мы шли молча, пока мое внимание не привлёк следующий факт:

– Но почему они начали с нашего, небольшого по сути городка, а не со столицы?

– Мне кажется, они просто пытаются привлечь к себе внимание. Для начала настоящей большой войны у них маловато силенок. К тому же, этот город был выбран ими не случайно...

– Что это значит? – напряглась я.

Дима не ответил, внимательно глядя по сторонам, словно ожидая, что на нас вот-вот кто-нибудь выпрыгнет из-за угла.

– И где же они сейчас?

На этот вопрос он тоже не отреагировал. Да и что тут можно было ответить?

Мы уже прошли две остановки, почти половину пути до моего дома, когда он вдруг выставил вперед руку, заставляя меня остановиться.

– Тихо, – опережая расспросы, произнес он.

Я прислушалась и напрягла свое зрение, пытаюсь понять, что насторожило парня. И вскоре действительно услышала едва различимые голоса.

– Сюда, – мгновенно скомандовал Дима, и я, как могла быстро, рванула за ним в кусты.

Мы притаились, ожидая появления людей. Я не знала, чего от них ожидать. Сердце судорожно билось внутри, грудная клетка сжалась до боли. Мне было страшно. Страшно уже в сотый раз за истекшие двенадцать часов. И только присутствие рядом Димы придавало немного сил. Хотя он вряд ли сможет чем-то помочь в случае, если нас всё-таки заметят.

Вскоре из-за углы вынырнули двое – мужчина и женщина. Они о чем-то переговаривались, ничуть не таясь. Их внешний вид и поведение, на мой взгляд, не представляли никакой угрозы. Женщине было около тридцати пяти лет, она была невысокой, с заплетенными в косу светлыми волосами, в спортивных брюках и джинсовой куртке, накинутой поверх трикотажной кофточки. Мужчина был почти на голову выше её и намного старше, в джинсах, теплой кофте и с медицинским чемоданчиком в руках. Только после этого я обратила внимание, что и на руке чуть выше локтя у них завязаны тканевые повязки, указывающие на статус медицинских работников.

– Дим, они же врачи! – впервые назвав его по имени, радостно прошептала я. – Они ищут оставшихся. Пойдем!

Но он остановил меня, схватив за руку в районе локтя, хотя я ещё не сделала ни шага вперед и не издала ни шороха, способного выдать нас.

– Мне кажется, это подстава, – сосредоточенно глядя вперед, заявил он.

– Да какая подстава? Ты видишь их повязки на руках? Они врачи!

– Подожди, – скомандовал он, продолжая следить за движением двух незнакомцев немигающим взглядом.

Но я была не намерена смотреть, как эти двое, способные облегчить мою боль и донести до нас хоть какую-то информацию о произошедшем, удалятся прочь, в то время как это, возможно, нас единственный шанс выбраться из опустевшего за ночь города и найти своих родных, о чем теперь я только и могла мечтать.

– Возможно, ты и можешь ждать, но у меня болит нога, и я не собираюсь... – яростно зашептала я, но договорить не успела.

Дима зажал мне рот рукой, и я уставилась на него с таким возмущением, что если бы молния, которую метнул мой взгляд, обладала смертоносной силой, то парень был бы уже испепелен. Но он даже не заметил этого, продолжая внимательно смотреть в прореху меж веток с ещё не осыпавшимися пожелтевшими листьями. Я невольно проследила за направлением его взгляда и заметила вдруг то, что привлекло внимание моего спутника. Незнакомцев стало трое! К ним присоединился ещё один мужчина, одетый в джинсы и свитер. Определить его возраст я не могла, так как стоял он спиной. Они о чем-то переговаривались, кивали головами.

А потом появился ещё один участник. Молодой парень, чуть старше нас с Димой, выскочил из ниоткуда и заспешил навстречу трем незнакомцам. Он выбежал так внезапно, что я не успела понять, откуда он взялся. Парень выкрикивал бессвязные фразы и умоляюще протягивал руки к обернувшимся на звук незнакомцам:

– Помогите! Там мой друг! Его ранило вчера. Он не может идти. Вон там, в овраге. Вы врачи, да? Помо...

Прежде чем он успел договорить, один из мужчин выстрелил из неизвестно откуда взявшегося вдруг пистолета, и парень упал на асфальт, словно подкошенный.

Не понимая, что происходит, я смотрела, как трое «врачей» бросились в том направлении, куда указывал убитый ими парень, видимо, чтобы добавить в список жертв ещё одно имя.

Хорошо, что Дима всё ещё держал руку на моих губах, иначе я бы вскрикнула от ужаса и выдала нас с потрохами.

Как только незнакомцы скрылись из виду, Дима тотчас решительно разогнулся и освободил меня, скомандовав:

– Уходим! Нам нужно поскорее убраться отсюда, пока они будут заняты.

Бежать, почти не опираясь на больную ногу, было очень тяжело. Дима поддерживал меня под руку, практически волоча на себе, и ни разу не упрекнул, за что я была ему благодарна. Не понимаю, почему он всюду таскает меня за собой, ведь мы почти незнакомы. Может, потому, что, на мое счастье, в нем было достаточно благородства и терпения, чтобы находиться рядом с такой строптивой девчонкой, как я. А возможно, потому, что вдвоем, пусть даже с таким никудышным напарником как я, выжить проще, чем одному.

Глава 4

Я не могла отделаться от мысли, которая вбивалась в мою голову с каждым новым шагом: «Это могли быть мы». На месте убитого «врачами» парня и его друга могли быть мы с Димой, если бы я действительно рванула к ним за помощью и подставила под угрозу не только свою жизнь, но и его. Но как он смог понять, что доверять им нельзя? Возможно, он очень осторожен. Как бы то ни было, теперь я твердо решила, что буду доверять ему во всем, ведь я хочу выжить. В этом мы преследуем одну и ту же цель.

Теперь мы шли совсем не так уверенно и легко, как до встречи со стебачами – кажется, Дима назвал их именно так. Не знаю, откуда взялось такое название, я никогда его раньше не слышала, но выспрашивать об этом у Димы не было никакого желания. К тому же были сомнения, что он оставит мой вопрос без ответа, как делал это неоднократно.

До моего дома оставалась всего пара кварталов, когда путь нам преградили выстроившиеся у одного из подъездов люди. Они не очень-то заботились о том, чтобы их не заметили – шумно разговаривали, громко смеялись, размахивали руками. Из подъезда то выходили, то вновь входили, выносили какую-то мебель, картины. Мы с Димой заметили их одновременно и замерли, как вкопанные.

Из-за детской площадки и окружавших её деревьев нас не было видно, но я всё равно постаралась сжаться и попытаться стать чуть-чуть меньше.

– Это тоже они? – спросила шепотом, опасаясь произносить название этих людей, словно они могли услышать его и обернуться на сигнал.

– Похоже. Мы не сможем идти дальше, – произнес Дима.

Тут он был прав и несмотря на жгучее желание убедиться, что с родными всё в порядке, на этот раз я не стала с ним спорить. Скорее всего, родители уже эвакуированы, и мне тоже надо спасать свою жизнь.

Дима взглянул на меня, ожидая реакции, и я обреченно кивнула головой, поддерживая его идею. Мы осторожно двинулись в обратном направлении, постоянно оглядываясь и боясь издать слишком громкий хруст или вздох. Нога с каждым шагом болела всё больше. От постоянного движения она опухла сильнее, но я боялась сказать об этом. Мне было страшно остаться одной. Не сомневаюсь: если бы не Дима, меня с моей невнимательностью и полным отсутствием логики давно бы не было в живых.

– И куда мы теперь? – спросила настороженно, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться обо что-нибудь и не повредить единственную здоровую ногу.

– Разберемся. Надо выбраться из центра в какой-нибудь не интересный пока для них райончик, – задумчиво проговорил Дима.

– Как ты определишь это? – недоуменно взглянула на него я, но он не ответил, чему я совсем не удивилась.

Видимо, у него такая привычка, время от времени игнорировать окружающих: не отвечать на вопросы, не смотреть в их сторону. Впрочем, это пережить я смогу – другого варианта и нет, – главное, чтобы он помог нам выбраться к пункту временного размещения или вроде того.

Мы шли по парку, после оказались напротив аптеки и, несмотря на взывающую к обратному совесть, проникли в окно и взяли с полки необходимые лекарства – обезболивающие таблетки, необходимые мне сейчас мази, вату и бинт.

Мы шли по опустевшим улицам, минуя открытые пространства и внимательно прислушиваясь к звукам. Но вокруг стояла тишина, изредка нарушаемая резким криком пролетающих галок или внезапным порывом ветра. Помимо того, что боль в ноге становилась всё нестерпимее, я в придачу стала замерзать. Всё-таки конец сентября, и денек сегодня вовсе

не такой солнечный, как вчера, а я одета лишь в теплый свитер и джинсы. Поэтому через полчаса, которые мы шли в молчании, я всё же решила заявить о себе:

– Я больше не могу. У меня нога...

Дима машинально опустил взгляд на мою левую ногу и отчеканил:

– Мы почти пришли.

Пришлось поднабраться мужества и ещё пять минут, сжав зубы, из последних сил передвигаться вперед.

Райончик, куда мы пришли, я знала. Но теперь он был совсем не таким, как в моей памяти. Стебачи побывали и здесь. Они оставили свои следы на каждом доме, ни один из них обделив вниманием – выбитые окна, испачканные краской стены, разрушенные крыши. Некоторые дома и вовсе были сожжены. И это за одну ночь! Разрушить всё то, что возводилось годами, десятилетиями... Я смотрела по сторонам и чувствовала, как от увиденного понемногу схожу с ума.

– Вот здесь, пожалуй, и остановимся, – произнес Дима, указывая на один из уцелевших домов по правую сторону от нас, и пропуская меня вперед.

С двух сторон дом был окружен старыми деревьями. Некоторые стояли чуть наклонившись, другие были ещё вполне ничего, в самом расцвете сил. Забора здесь не было, да и сам домик был небольшим: не очень высоким, не очень широким. Взглянув, я не сразу узнала его, а когда узнала – пришла у ужас.

– Не может быть, – прошептала я, проводя рукой по полуразрушенной оконной раме.

Раньше здесь были витражи. Красивые цветные стеклышки приковывали мое детское внимание каждый раз, когда я проходила мимо. А бывала я здесь частенько. Неподалеку жила моя бабушка, у которой я с удовольствием проводила каждые выходные. Помню, как с нетерпением ждала субботу, чтобы поскорее очутиться здесь, ведь тут было столько моих друзей, с большинством из которых впоследствии жизнь нас развела. Так бывает: вы общаетесь, дружите, смеетесь над одними и теми же шутками, остро переживаете все неудачи в жизни друг друга, а потом взрослеете и у каждого появляются свои интересы и увлечения, вы незаметно отдаляетесь друг от друга, и вот при встрече вам уже не о чем особенно поговорить, поэтому в память о проведенных вместе годах вы просто здороваетесь при встрече.

В моем случае ситуация усугубилась ещё и тем, что, когда мне было десять лет, бабушка умерла и её дом продали. Теперь между нами, вчерашними друзьями детства, было ещё и расстояние, пусть и не слишком большое, но всё-таки являющееся преградой для постоянного общения. Тем более что тогда социальные сети не пользовались таким успехом, как сейчас.

И вот теперь я снова здесь... Впервые за много лет. Я не знаю, где мои друзья детства, чем увлекаются, живы ли они. Мне даже страшно представить, во что стебачи превратили бабушкин дом. Я не хочу это видеть. Всего за сутки они изуродовали всё, что было привычно мне с самого детства, внесли разруху, хаос, страдания, боль в наши размеренные жизни.

Дима видел, что я сама не своя от увиденного, но ни о чем не расспрашивал.

Я вошла внутрь дома – впервые! Разве могла я, будучи маленькой девочкой, мечтать о том, что окажусь в этом невероятном сказочном жилище? И разве можно было представить, что случится всё это при таких ужасающих обстоятельствах?!

Внутри было отнюдь не так потрясающе-красиво, как я себе представляла. Низкие потолки создавали не очень комфортное ощущение. Небольшая кухонька и две комнаты, соединенные узким коридором, да ещё веранда, окна которой и были украшены цветными стеклышками – теперь уже только в моей памяти. Внутри было вполне опрятно, видимо, стебачи в данном случае ограничились лишь внешним изуродованием дома. На кухне стояла доисторическая газовая плита, маленький стол и два дряхлых стула. Одна комнатка была такой маленькой, что в ней помещалась лишь небольшая кровать. И в ней совсем не было окон. Другая – побольше, похоже, представляла собой гостиную. Здесь находился старенький телевизор,

широкое кресло и шкаф с двумя дверцами. На полу был постелен красивый, но потускневший от времени и количества оставленных на нем следов человеческих ног ковер. Санузла здесь не было, и это особенно меня огорчило. Я бы очень хотела принять сейчас ванну.

Сделав беглый осмотр комнат, я вернулась на кухню, где обнаружила Диму. Он уже успел выложить на стол все прихваченные с собой припасы еды и теперь с удовольствием обедал фруктами и йогуртом, сделав «ложку» из этикетки.

– Присоединяйся, – бросив на меня короткий взгляд, произнес он.

Я не стала отказываться. Оглядела всё, что у нас имелось и остановила свой выбор на тех же продуктах, что и у моего спутника.

Но едва я собралась приступить к еде, как мое внимание привлекло появившееся из-за двери существо, мягко прокравшееся в дом.

– Эй, а ты как здесь оказалась, а? – с улыбкой спросила я, вставая из-за стола, и под напряженным взглядом Димы направляясь к прокравшейся в дом кошке. – Она, надеюсь, не представляет для нас угрозы? – язвительно произнесла я, и он тут же фыркнул, меняя гнев на милость.

Кошечка была светло-рыжей, наверно, домашней, потому что выглядела вполне ухоженной.

– Что, забыли тебя? Эх, нехорошие люди. Ты, наверно, голодная? Сейчас посмотрим, что у нас есть.

Дима не возражал, когда я взяла со стола пачку печенья и стала скормливать его кошке. Ещё бы, попробовал бы он возразить! Я скорее сама останусь без обеда, чем позволю умирать голодному животному.

Кошка осторожно, привередничая, сначала обнюхала предлагаемое ей лакомство, а затем отвернулась.

– Ну что ты, э? Сейчас не время выбирать. Ешь, что дают.

Я положила несколько печений на порог, прямо к её носу, и села на место, после чего мы уже втроем продолжили обед.

Появление в доме живого существа хоть немного, но заставило меня отвлечься от грустных мыслей и улыбнуться. Но кошки – свободолюбивые животные и никогда ни к кому не привязываются. Вот и эта, рыженькая, перекусив вместе с нами, также тихо и незаметно, как пробралась в дом, так и покинула его.

Немного утолив голод, я почувствовала, как остро встал следующий вопрос: что делать дальше? И вообще, и конкретно сейчас. Но если проблему насчет «вообще» я доверила решить Диме, то насчет вечернего времяпровождения он вряд ли мог мне помочь. Конечно, можно было попытаться разговорить его, узнать о том, где он учился, чем увлекается, но, во-первых, я сомневалась, что мне это удастся, так как на контакт парень шел весьма вяло, а во-вторых, разговоры о том, какими мы были ещё пару дней назад, даже не подозревая о грядущих опасностях, казались мне неуместными и крайне болезненными. Поэтому я молча поднялась из-за стола и отправилась в гостиную, захватив с собой сумочку, чтобы предаться воспоминаниям в одиночку. Меня давно уже тяготили невыплаканные слезы, внутреннее ощущение одиночества, заброшенности. Да, мне несказанно повезло, что я встретила Диму и благодаря ему спаслась, но он мог лишь обеспечить мне более-менее безопасное существование, а вот моральной поддержки, разговоров по душам, даже просто ласкового взгляда от него не дождешься.

Первым мне в руки попался ежедневник – маленькая записная книжечка с цветочками на обложке, – абсолютно девчачий и очень романтичный на вид. Мне он сразу приглянулся, едва я заметила его на прилавке. Конечно, ежедневником это можно было назвать лишь условно, потому что записи я вела не постоянно, а «по зову сердца», когда было, что сказать.

Открыв чистый лист, я записала дату и остановилась. Как написать то, что происходит со мной и вокруг меня в этот миг? «Началась война»? «Я не знаю, что происходит, но при-

вычный для меня мир рухнул во всех смыслах этого слова»? «Мне страшно так, как не было никогда в жизни»? Как передать в скупых строчках всю гамму болезненных ощущений, свою растерянность, свою боль? Да и для кого мне теперь писать? Сама я вряд ли захочу когда-нибудь перечитать эти доводящие до дрожи и вызывающие ужас отворачивания высказывания. Надеяться, что записная книжка дойдет до потомков в столь беспокойное время – глупо. А вот попасть в руки стебачам она вполне может, а я не хочу давать им наводку, не хочу подставлять свою жизнь и жизнь Димы ещё большей опасности. Мало ли, вдруг я потеряю свой ежедневник? Вдруг они каким-нибудь образом украдут его у меня? Они будут знать, что я не одна, начнется охота. От этих мыслей я почувствовала пробежавшую по телу дрожь. То ли я научилась у Димы его сверхосторожности, то ли разыгралась моя неуёмная фантазия, приправленная острыми специями развернувшихся на моих глазах событий. Как бы то ни было, я отложила ручку и, вместо того, чтобы писать, начала пролистывать уже имевшиеся записи. С каждой новой строчкой я удивлялась, что ни секунды не думала о будущем, не предчувствовала того, что скоро всё кардинально изменится. Я жила сегодняшним днем, переживала какие-то мелкие обиды одноклассников, ссорилась иногда с Ликой, не слушалась родителей, мечтая уехать в другой город, поступить в институт и начать там новую свободную от старых проблем жизнь. Теперь я прежняя казалась самой себе вечно недовольной девчонкой, которая только и ищет, к чему придраться, и не желает при этом меняться самой. Говорят, что когда человек не меняется сам, его меняют принудительно весьма жестким образом...

«Честное слово, я даже не знаю, что хуже – быть самой отсталой ученицей по алгебре или находиться в шестнадцать лет в поисках „принца“, в то время как другие одноклассницы (почти все), уже определились со своими кандидатурами и вполне счастливы. И то и другое ужасно, только каждое по-своему. И то и другое досталось мне».

«Входящие: 0. И ни одного нового сообщения. Я бы хотела изменить свою жизнь, но знаю, что никогда не решусь на это. Я не знаю, как это делается. Я просто слабачка, и потому мне остается лишь плакать по ночам о своих несбывшихся мечтах, и по другим, порой совсем незначительным поводам».

«Иногда мне начинает казаться, что я только и делаю, что вру. Вру, что сделала домашние задания. Вру, что иду к подруге, когда мне просто хочется побродить в одиночку по городу, воткнув наушники в уши и включив погромче любимые песни. Вру, что счастлива, хотя на душе кошки скребут. Дальше так жить нельзя».

Когда я писала эти строчки, мне казалось, что я несчастна. Но я понятия не имела, что такое настоящее горе. А теперь от прежней счастливой жизни у меня остались только эти записи в дневнике.

Глава 5

Дима застал меня в том состоянии, в котором я меньше всего хотела, чтобы он меня видел. Я быстро стерла слезы, надеясь, что он не успел их заметить, и снова уткнулась в ежедневник.

Так как кресло было всего одно, и никакой другой мебели в комнате не имелось, он попросту сел на ковер неподалеку от меня, по-турецки скрестив ноги, и уставившись на свои сплетенные пальцы.

– Ты была здесь? – тихо спросил он через короткое мгновение.

– Я знала этот дом, – тоже шепотом произнесла я, чувствуя, что мой голос дрожит, – Видела его много раз, потому что в детстве неподалеку жила моя бабушка.

Слезы потекли вновь, хотя мне казалось, что плакать уже нет сил. У меня разболелась голова, я всхлипнула пару раз и разрыдалась вновь, не в состоянии сдерживать себя.

«Я не хочу плакать. Сейчас не время», – твердила про себя, но бесполезно.

Слезы градом катились из моих глаз.

– Прости, – пробормотала я дрожащим голосом, понимая, что лишь разозлю Диму своей плаксивостью.

Нужно быть стойкой, железной леди, походить уверенностью на него самого. Но я девушка, мне шестнадцать, и я не могу вынести эту внезапно обрушившуюся на меня тяжесть.

Пробормотав извинения ещё раз, я резко подскочила с кресла и выскочила на улицу, захлебнувшись свежим вечерним воздухом. На месте не стоялось. Душа требовала успокоения, которое никак не наступало.

Если до этого мне всё ещё казалось, что это ошибка, дурной сон, ненадолго, то теперь убеждать себя в этом стало бессмысленно. На моих глазах убили подростка. На моих глазах на многолюдную площадь спустили взрывчатку. Мир, который я знала и любила, разрушен. И он уже никогда не станет таким, как в моей памяти. Стебачи уничтожили его так же легко, как и яркие витражи в этом доме – раз, и нет, будто не было.

Внезапно я услышала позади себя прерывистое дыхание. Дима оказался рядом так быстро, я даже глазом моргнуть не успела. Он наклонился ко мне и крепко, так, чтобы я не могла вырваться, взял за плечи. На секунду мне даже стало не по себе.

– Не надо вести себя так, будто самые страшные несчастья в истории человечества свалились именно на тебя. Не ты одна потеряла всё. Не ты одна думаешь: за что мне это и что нужно сделать, чтобы эта война наконец закончилась. У тебя есть смысл жить: ты должна найти своих близких. И ты не одна. Ведь могло бы быть хуже!

Дима замолкает. Он понял, что зашел слишком далеко.

– О чем ты?

– Ты знаешь, о чем.

Он пристально посмотрел мне в глаза, и я с трудом выдержала этот взгляд. У него красивые глаза, темно-карие, глубокие, и они притягивают к себе – невозможно отвести взгляд.

Я судорожно вдохнула, представляя, как сейчас он коснется меня губами, и подавляя в себе желание потянуться к нему самой.

Но Дима отстранился, и я вынуждена была подавить внутри себя вздох разочарования.

– Зачем я тебе нужна? От меня одни только проблемы! – горестно произнесла я, чувствуя, что почти успокоилась.

Его короткий монолог, пусть и немного жестокий, подействовал на меня отрезвляюще. Жалеть себя расхотелось.

– Я не могу оставить тебя, – коротко произнес он и, развернувшись, быстрыми шагами вернулся в дом, давая понять, что разговор закончен.

Несколько секунд я просто молчала, переваривая услышанное. Да, я из числа тех девушек, которые за сказанными словами ищут какой-то ещё, больший смысл. Почему он не может меня оставить? Из чувства жалости? Из чувства долга? Что это, в конце концов? Может быть, он испытывает чувство влюбленности? Только весь его вид и поведение каждую минуту доказывают обратное. Как бы то ни было, пусть останется загадкой. Я слишком много думаю сегодня, а лучше бы пойти спать. Неизвестно ведь, что ждет нас завтра.

Едва я вернулась в дом, как тут же заметила Диму. Он стоял на веранде и, судя по всему, следил за мной. Я растерянно замерла на пороге.

– Там только одна кровать... – Он скользнул по мне взглядом и всё тем же холодно-равнодушным тоном добавил: – Я в кресле переночую.

Возражать я не стала. Тем более что после прошлой бессонной ночи на мешке у меня было дикое желание нормально выспаться, а сделать это можно было лишь на удобной кровати.

Нашарив в темноте выключатель, я внимательно осмотрела комнатку на предмет обнаружения мышей или тараканов, проверила, насколько чистая постель, и только после этого, не расстелив чужое ложе, подложив руки под голову, легла на бок и свернулась калачиком. Я не стала закрывать дверь, мне не хотелось отгораживаться от единственного живого человека неподалеку и снова оставаться одной.

Ночь наступает быстро и вместе с ней приходит холод. Через разбитые окна прорывается ветер, и хотя в комнате, где мне предстоит ночевать, окон нет, я всё равно чувствую эту прохладу.

Немного поворочавшись и поняв, что согреться даже лежа в позе эмбриона – весьма затруднительно, я снова встала и с опаской стала искать вокруг что-нибудь, что могло бы служить одеялом на ближайшую ночь. Копаться в чужих вещах и брать то, что мне не принадлежит не в моих правилах, но чтобы выжить сегодня, мне приходится на них наплевать. Я ела чужую еду, украденную из магазина. Я забралась в окно аптеки и без спроса взяла лекарства. Теперь я копаюсь в чужих вещах в поисках теплого одеяла. Меня тошнит от того, что я вынуждена делать это, но другого выхода нет. Я искренне надеюсь, что это самые ужасные вещи, которые мне предстоит сделать в жизни.

Одеяло находится, и я натягиваю его до подбородка, как будто оно может помочь мне не только согреться, но и укрыться от навязчивых мыслей.

Интересно, каким был хозяин этого дома? Судя по обстановке, можно предположить, что здесь жил одинокий немолодой мужчина. Но, может быть, я ошибаюсь.

На этот раз сон одолевает меня гораздо быстрее. Я заснула почти моментально и проспала безмятежным сном до самого утра.

С рассветом, когда я открыла глаза, мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, где я, что я здесь делаю, и что происходит вокруг. Дом с витражами. Дима. Стебачи. Паззлы снова собрались воедино, представляя собой не самое лучшее изображение.

Я приподнялась, свесила ноги с кровати и пару минут просидела так, приводя мысли в порядок. Потом возникла потребность привести в порядок и свой внешний вид. К счастью, в моей сумочке всегда находилась расческа, так как резинками и заколками для волос я пользовалась редко, предпочитая оставлять волосы свободно падающей волной. Расчесавшись и разгладив ладонями лицо после сна, я вышла на кухню, где застала Диму.

– Привет, – сонно пробормотала я.

– Привет, – ничего не выражающим голосом ответил он.

Чем дальше, тем больше меня злила эта его манера безучастного робота. Ведь вчера же, пусть всего на пару секунд, он изменился! Значит, он может быть другим, самым собой, настоящим, испытывать хоть какие-то эмоции и чувства. Может, но не хочет. Да это и не важно. Каждый имеет право выбирать ту маску, в которой ему удобнее. Мне достаточно и того, что я не одна хотя бы физически.

– Как твоя нога? – не отрываясь от закипающего на плите доисторического чайника, спросил он.

– Лучше, – честно ответила я.

Нога и правда почти перестала беспокоить. Я ещё пару раз делала спиртовые примочки, использовала «приобретенную» в аптеке мазь, и опухоль спала, да и боль уже стала не такой невыносимой, хотя полностью опираться на эту ногу я всё ещё не могла.

– Откуда вода?

– Я с утра разведку делал по местности. Тут неподалеку есть небольшая речка, – снимая чайник и наливая воду в кружку с почти выцветшим рисунком, произнес Дима. – После завтрака можем сходить умыться. Сегодня тепло.

Я брезгливо поджимаю губы и ничего не отвечаю. Перспектива мыться в реке в конце сентября, да ещё и при почти незнакомом парне меня не прельщает. Но и обойтись без этой процедуры нельзя. Водопровода здесь нет, а потребность в чистоте никуда не делась.

– У нас кое-что осталось, садись завтракать, – кивнул на свободный стул Дима, и я послушно уселась напротив него. – Я только одну кружку здесь нашел. Будешь чай?

Я отрицательно качнула головой и на этот раз даже не стала скрывать от парня своего брезгливого выражения лица.

– Вообще-то она чистая. Я её промыл хорошенько.

Я ещё раз отрицательно качнула головой и взялась за фрукты. Запасов еды у нас осталось не так много, и я понятия не имею, что будет с нами через день или два, когда мы всё это поедим, поэтому стараюсь быть экономной. Немного утолив голод, встала из-за стола, и замерла, не зная, что делать дальше. Ещё один пустой день – чем его занять? Уходить далеко от дома нельзя, а делать внутри попросту нечего. Собеседник из Димы ещё тот, да и сама я не горю особым желанием откровенничать.

К этому моменту Дима как раз допил чай и произнес:

– Сейчас пойдем. Это недалеко.

И я вспоминаю о речке.

– Вода холодная, – попыталась напомнить ему, но он, конечно, не внял моим доводам.

– Можешь принести себе пару ведер и нагреть на плите. Только мыться всё равно придется на улице, потому что ванной здесь не предусмотрено.

И ведер здесь тоже не предусмотрено. Здесь вообще ничего нет! Я готова взорваться, накричать на него, даже ударить, но только вряд ли это поможет. Дима не виноват в том, что нам обоим приходится терпеть. Он тоже жил в нормальном доме, на всём готовом, и ему тоже нелегко, только, в отличие от меня, от не показывает вида, что ему трудно и создает хорошую мину при плохой игре. Мне этого качества явно не хватает.

Сделав глубокий вдох на «раз-два» и выдох на «три-четыре», я немного успокоилась и произнесла совсем другим тоном:

– Ладно, пошли.

Мне не хочется быть истеричкой, тем более за прошедшие сутки я и так показала себя не с лучшей стороны. К тому же я отлично понимала бесполезность сопротивления этому парню. Насколько я успела его узнать, он не из тех, кто идет на попятную, и если он сказал, что мы пойдем к реке, – что ж, ладно.

Дима вытащил откуда-то из-за холодильника несколько цветных тряпок и бросил мне в руки:

– Думаю, это понадобится.

Я с ужасом разглядывала их, подавляя в себе желание откинуть прочь. И где он только достает всё это добро? Вроде чистые. Похоже, это была чья-то одежда: рубашки со срезанными пуговицами (не иначе как Дима с утра постарался?), детское платье. В этом доме жил ребенок –

делаю вывод я. Может быть, совсем недавно, всего пару дней назад. А теперь здесь живу я, без разрешения, помимо собственного желания, просто потому, что другого выхода у меня нет.

Дима первым вышел из дома, и я последовала за ним. Дорога достаточно широкая, чтобы идти рядом, но я не догоняла его и шла чуть позади. Я пыталась придумать, как сделать так, чтобы вымыться, чтобы не замерзнуть и не подхватить воспаление легких. И чтобы Дима при этом не видел меня голой.

До речки оказалось всего пять минут ходьбы. Она не выглядела грязной, хотя меня всё равно передергивало при мысли, что мне придется в неё войти. Присаживаясь на корточки, я опустила пальцы в воду и ощутила, какая она холодная.

– Ты в своем уме? Мы заболеем, – уверенно заявила я, поднимаясь на ноги и беспомощно глядя на парня.

– Дело твое. Можешь подождать меня здесь, – стягивая через голову кофту и собираясь проделать то же самое с футболкой, произнес Дима.

Я поспешно отвернулась, чувствуя себя неловко.

– Ладно. Давай сначала ты. Я вон там, подальше, буду ждать.

Не говоря больше ни слова, я отошла в сторону, туда, где на почти облетевшем кусте шиповника притулилась стайка воробьев. Солнце сегодня светило особенно ярко, словно пытаясь частично компенсировать то, что творилось вокруг и в душе, и у меня само собой сложилось хорошее настроение. Я любовалась маленькими существами на ветках, опасаясь подойти ближе и спугнуть их, и чувствовала, как улыбка невольно растягивала мои губы. На минуту я умудрилась забыть о том, что где-то там, может быть, всего в нескольких сотнях метров от нас, рыщут стебачи. На минуту у меня получилось забыть о том, что мое будущее сейчас неясно, как никогда. Что я потеряла своих родителей и подругу, и даже не знаю, живы ли они. Что мне голой придется купаться в ледяной речке, чего раньше я никогда не делала.

Я жадно вдохнула чистый воздух и подняла глаза к небу. Это невозможно, но я и правда почувствовала себя счастливой. Всего на короткий миг, я это знала, но так хотелось его продлить.

Небо синее, с тонкими перышками-облачками, как будто невидимый художник случайно махнул пару раз кисточкой с белой краской. Солнце слепило глаза, придавая увядающей природе особое очарование. Заливистый свист воробьев дополнял эту картину звуками жизни. И казалось, будто я осталась одна во всем мире, будто природа вернулась к своему первозданному облику и так будет всегда.

– Ты готова? – услышала я голос за спиной, и на секунду мне показалось, что он не такой отстраненно-холодный, каким был пять минут тому назад.

Поспешно оборачиваясь, я застала неожиданно-умопомрачительную картину. Дима стоял в одних джинсах, без футболки. У меня перехватило дыхание. Кажется, я начала краснеть. Я знала, что должна отвернуться или хотя бы отвести глаза, но не могла себя заставить сделать это. Словно загипнотизированная, я следила, как капли воды стекали по Диминой груди, как они застывали на его крепким плечах и руках, а затем соскальзывали на землю. Его волосы от воды стали ещё темнее. В нем было что-то магическое, он походил на тех прекрасных мужчин, что древние греки запечатлевали в скульптурах. Он был прекрасен.

Вот и ещё один впечатляющий момент. Очень впечатляющий.

«Спокойствие, только спокойствие!» – твердила я себе.

Но, Боже, какой же он прекрасный!

Дима не замечал моего пристального взгляда. Он встряхнул головой, и брызги слетели с его волос. Он подошел ко мне, чтобы взять из моих рук одну из рубашек со срезанными пуговицами, а потом небрежно обтерся ей, словно полотенцем. Он был так близко, что я оказалась не в силах ни о чем больше думать, ничего оценивать, а могла лишь любоваться этим совершенством. Бывают же такие красавцы! И обязательно с дурным характером.

– Ну так пойдешь или нет? – напомнил мне Дима о цели нашего визита сюда, и я легонько встряхнула головой, стараясь вернуть свои мысли в нужное русло.

Дима тем временем успел натянуть футболку, и она кое-где прилипла к ещё не совсем просохшему телу. Я опасалась, что он заметит мой взгляд и поспешно отвела глаза, пробормотав:

– Угу. Только отойди подальше.

Он не произнес ни звука, но я и не ждала ответа. Обойдя парня, приблизилась к воде с замирающим сердцем, но отступать было некуда, другого варианта нет и не предвидится.

Я предусмотрительно отошла от Димы на почтительное расстояние, но всё равно постоянно оглядывалась, чтобы убедиться, что он не подсматривает.

Вода была жутко холодной, и я моментально покрылась гусиной кожей. Мне хотелось поскорее выйти из нее, но я заставила себя ополоснуться ей, а затем, как могла, руками, без шампуня и мыла промыла голову. Я дрожала от холода, но всё равно заставляла себя смывать грязь и дурные воспоминания.

«Говорят, холодная вода закаляет, так что тут одно из двух: либо я подхвачу воспаление легких, либо стану здоровой и выносливой», – убеждала я себя, умываясь. Но всё же не выдержала и трех минут в ледяной речке.

Поспешно выбравшись на берег, я быстренько отжала руками волосы, вытерлась чистой рубашкой и напялила свою одежду. С одеждой пришлось повозиться, так как она липла к каждому сантиметру моего тела и упорно не желала натягиваться. Постепенно справившись и с этой задачей, но не переставая дрожать от холода, я вернулась к Диме. Он стоял у того же куста, где пару минут назад находилась и я, и мне показалось, что в этот момент он испытывал те же самые чувства. Мне вдруг стало жутко неловко, что я нарушаю его личное пространство. Я громко прочистила горло, давая понять о своем присутствии. Дима резко обернулся и уголки его губ слегка приподнялись:

– Да ты героиня, не побоялась холодной воды.

Я догадалась, что он надо мной смеется, и мне это совсем не нравилось.

– У меня не было выбора, – серьезно произнесла в ответ, всем своим видом показывая, что не разделяю его смешливого настроения.

Дима удивленно приподнял брови, но ничего не ответил. Словно играя в пинг-понг, мы перебрасывались редкими фразами, но уже без прежней враждебности, а так, как будто бы встретились два малознакомых человека и пытаются понять, чего стоит каждый из них.

– Ладно, пошли, – наконец произнес Дима, проводя рукой по влажным волосам.

– Может, побудем немного здесь? – неожиданно для себя самой выпалила я.

Мне очень понравилось здесь. В этом месте чувствовалась настоящая жизнь, и притуплялось чувство страха. И даже несмотря на пробирающий до костей холод после ледяной ванны, я не хотела уходить отсюда.

Парень пожал плечами, показывая тем самым, что он не против, и, молча стянув с себя кофту, протянул её мне:

– Оденься.

– Не нужно, всё в порядке.

– Надя, – настаивал он, кажется, впервые назвав меня по имени.

Я взяла его кофту, на секунду случайно касаясь Диминых пальцев. Меня словно обдало горячей волной, и я тотчас забыла и о том, что мне холодно, и о том, что вокруг военные действия пассивного характера. Интересно, что думает и чувствует он, когда прикасается ко мне?

Я натянула кофту на плечи и застегнула на замок под самое горло. Мне сразу стало теплее. Я прикрыла глаза и представила, будто это он сам меня обнимает, и улыбка снова невольно вырвалась наружу. Я только собралась спросить у него, сколько ему лет и где он учится, когда

расслышала нечто новое, вплетающееся в уже привычные звуки осени. Это были приглушенные голоса неподалеку. Где-то рядом находились люди.

– Дима, – я с трудом выдавила из себя его имя, и когда мы взглянули друг другу в глаза, то поняли всё без слов.

Это стебачи.

Ужас окутал меня в одну секунду, не оставляя от прежней безмятежности и следа. Я ещё не различала слов, но понимала, что голоса доносятся сзади. Путь к отступлению для нас оказался отрезан.

– Придется вплавь, – коротко бросил Дима, хватая меня за руку и пытаясь тащить в сторону реки.

Но я проявила неожиданное для него упорство и почти не сдвинулась с места.

– Ты чего?

– Я не умею плавать, – призналась со стыдом.

Он округлил глаза словно умение плавать – то, без чего человек не может существовать в принципе. Его выражение лица на миг отразило недоверие, но потом до него дошло.

Я ждала. Я боялась, что он бросит меня здесь, одну. Ведь это разумно – желать спасти свою жизнь. Но он не ушел. Более того, он по-прежнему не выпускал мою руку из своей. Я чувствовала, как его пальцы крепче вплелись в мои и легонько сжали мою руку.

– Ладно, – коротко бросил он, и на его лице отразилась усиленная работа мысли. Не представляю, что можно придумать в такой ситуации. И всё из-за меня! Нужно было идти в наш временный дом сразу же после того, как искупались в реке. А теперь из-за меня мы оба попали в ловушку.

В этот момент я ненавидела себя так сильно, как никогда. У меня даже не было слез, чтобы заплакать.

Конечно, не факт, что мы бы успели дойти, или что именно там нас бы не поджидал «сюрприз»...

И всё-таки я надеялась, что это не они. Не стебачи. Может быть, это наши, люди, которые ищут последних оставшихся в этом городе. Но и эту мысль я тут же забраковала, потому что нас давно уже никто не ищет. Каждый спасает свою жизнь так, как может. Каждый сам за себя. И только мы с Димой всё ещё держимся вместе.

Глава 6

Голоса становились всё громче и ближе. От этих звуков у меня леденела кровь. Спрятаться – это наша единственная надежда. На секунду мне захотелось потянуть за собой Диму и притаиться за кустом шиповника, но я понимала, что это не выход. Слишком ненадежное укрытие, к тому же прямо на пути стебачей – нас сразу же заметят.

Мы – дичь, они – охотники. Я стиснула руку Димы, стараясь не думать о том, что они могут с нами сделать. Бросив на него мимолетный взгляд, я заметила, как он собран. У него напряженное лицо и судорожно передвигающиеся желваки. Он не собирается сдаваться. Это придает мне сил.

Когда через пару секунд прямо перед нами появились стебачи, мы оба напоминали стальные пружины. Не уверена, что у меня внутри столько же выдержки и мужества, что и у Димы, но я не готова сдаваться сразу же.

Стебачи замерли на месте. К этой встрече они тоже не были готовы. Но, в отличие от нас, им нечего бояться. Их трое, и все они мужского пола. Самому младшему, пожалуй, лет двадцать пять. Двое других лет на десять старше. Они высокие и сильные, как на подбор, и я понимала, что нам их не победить. А уж если у них есть оружие...

– Неожиданная встреча, – с удивленной ухмылкой произнес тот, что был моложе всех, – Однако, не скрою, я знал, что рано или поздно она случится.

Я не совсем понимала значение его слов, поэтому просто внимательно за ним наблюдала. Было заметно, что он чувствовал себя хозяином ситуации и потому вел себя весьма раскованно. Его взгляд небрежно скользил по Диме, потом внимательно изучил меня.

– Вот она, значит, какая – девушка твоей мечты, – растягивая слова и ухмыляясь, переводя взгляд с наших сплетенных рук на настороженные лица, произнес молодой стебач.

Я бросила удивленный взгляд на Диму и заметила, что его лицо напряглось ещё больше. Он смотрел куда-то поверх головы стебача и сжимал мою руку так крепко, что мне становилось больно, но я молчала.

Парень напротив неспеша рассматривал нас, словно прикидывая, с чего же начать игру. Сложившаяся ситуация его весьма забавляла, а мне хотелось лишь одного – чтобы всё это быстрее закончилось.

– Ну что, братец, не передумал? – приблизившись к Диме, ухмыльнулся стебач и, не дав ни секунды для ответа, жестко добавил: – А, впрочем, даже если и передумал, обратного пути нет. Все решения принимаются в жизни только один раз. И твое решение было – нет.

Это «нет» он произнес таким угрожающим тоном, что мне стало не по себе. Я прикрыла глаза и судорожно сглотнула, стараясь справиться с волнением. Я не могла понять, что происходит, и это с каждой секундой мучало меня всё больше.

Наконец Дима перевел спокойный, полный металла взгляд на этого парня и произнес соответствующим выражению лица тоном:

– Я и не собираюсь отказываться от своих слов.

– А жаль, – театрально вздохнув, пожал плечами тот, – Возможно, это могло бы помочь тебе. Но...

Он не закончил фразу, оборвавшись на полуслове и обернувшись к своим напарникам. Те согласно кивнули на его молчаливый вопрос, словно только и ждали этой команды. Я не знала, что это значит, но понимала, что ничего хорошего этот знак для нас не сулит.

Воспользовавшись моментом, я мельком взглянула на Диму, пытаюсь понять, что всё это значит. Он бросил на меня короткий взгляд и подбодрил улыбкой – чуть заметной, едва коснувшейся губ, но это придало мне сил и уверенности в том, что счастливый конец в этой

истории всё же возможен. Пусть мы пропустили первую часть про «жили долго и счастливо», но, похоже, вторая часть про «умерли в один день» вот-вот сбудется.

А может быть, Дима сумеет договориться, и мы останемся живы?! Судя по всему, он знаком с этим подонком. Вот только откуда? Учились в одной школе? Жили неподалеку? Были знакомы несколько лет?

Стебач снова повернулся к нам лицом, и вновь принялся внимательно сканировать меня взглядом. Мне стало тошно, хотелось сделать что-нибудь непристойное для молодой воспитанной девушки вроде меня, например, плюнуть ему в лицо, но я стояла не шелохнувшись, и только мой яростный взгляд, направленный на этого гада, говорил всё сам за себя. Я бы убила его, если бы могла.

– Может быть, твоя девчонка окажется умнее тебя, как думаешь? – усмехнулся парень-стебач, обращая на меня свой взгляд. – Хочешь вступить в ряды борцов-народовольцев? Сомневаюсь, что он рассказывал о нас с положительной стороны, – небрежный кивок в сторону Димы. – Но, если в двух словах, то скоро в стране будет новая власть. Справедливая. Мы начали борьбу с этого города. У тебя есть шанс присоединиться.

Стебач чуть склонил голову, ожидая моего ответа. Неужели он действительно верит в то, что я могу прямо сейчас броситься к ним в объятия и принять их фашистские лозунги за единственно верную идеологию? Принять их – сбросивших на головы людям взрывчатку? Их – заставивших людей бежать из родных домов и прятаться в убежище? Их – стоящих сейчас перед нами и угрожающих нашим жизням, но при этом делающих вид, что они справедливые, щедрые, народолюбивые?

– Ты – ничтожество! – выплюнула я, не боясь смотреть ему в глаза. Может быть, это будут последние слова в моей жизни, но, по крайней мере, они будут звучать гордо и умру я свободной. – Вы все идиоты! О какой борьбе идет речь? То, что вы творите с людьми – преступно! И какими бы идеями вы не прикрывались, ваше сборище – шайка убийц, для которых человеческая жизнь не имеет никакой ценности.

– Дура! Мы дарим людям свободу и равноправие.

– Свободу в чем? Вы убиваете их, принуждаете принять навязанные вами идеи! А равенство? В горе? В лишениях?

Невооруженным глазом было видно, как стебач на глазах закипает. Его лицо налилось краской, глаза возбужденно расширились, губы невольно сжались в тонкую полоску. Судя по всему, такого яростного отпора он не ожидал. Поделом ему! Я могла бы собой гордиться. Если бы не знать, что ждет меня за эти высказывания.

Пару секунд он стоял, сжав челюсти и сжигая меня своим взглядом. Наконец, справившись с собой, он выдавил усмешку и обратился к Диме снисходительным тоном.

– У-у-у, какая недобрая у тебя подружка. Она, конечно, не в курсе, на что ты пошел ради неё?

Дима молчал, стоя ровно, как на параде, и продолжая сжимать мою ладонь. Я опять ничего не могла понять, но от прямого вопроса воздержалась. Сейчас не время.

– Ладно. Девчонку мы отправим в наш лагерь, там разберутся, что с ней делать...

– Не смей её трогать, – леденящим душу голосом произнес Дима.

На миг у меня возникло ощущение, что они говорят на равных. Но ведь этого не может быть, мы бессильны против них, и Дима не мог не понимать этого.

– А это уже мне решать, – хмыкнул стебач с довольной ухмылкой, делающей его лицо ещё более мерзким и отвратительным. – А ты, если хочешь спасти свою шкуру, будешь работать на нас, как и договаривались.

Я начала понемногу сопоставлять сказанное и меня настиг ещё больший ужас. Дима был с ними заодно, но в последний момент передумал. Он – стебач!?

И вот уже паззлы в моей голове сложились воедино, к несчастью, выстроившись в наводящую ужас картину. Вот почему он так хорошо знал, что эти люди с медицинскими повязками на руке – вовсе не врачи, что телефоны прослушиваются и по ним можно определить местонахождение, что в этом доме с витражами какое-то время будет спокойно. С последним он, правда, просчитался...

И всё-таки он зачем-то спас мою жизнь. Возможно, для прикрытия. Может быть, теперь он намерен взять меня в заложницы? Или откупиться мной? Зачем-то ведь я ему нужна! Уже явно не просто так, теперь в этом можно не сомневаться. Стебачи ничего просто так не делают.

В голове упрямо вибрировало одно слово: «Стебач, стебач, стебач». Я не могла соединить его вместе с образом Димы в своей голове.

От сразу ставших ясными слов стебача, стоящего напротив, мне стало дурно, и я вырвала свою руку из Диминой. Это не обошел вниманием стоящий напротив парень. Увидев столь резкую перемену в моем отношении к Диме, он захохотал, запрокинув голову, грубым, противным смехом, а когда успокоился, вымолвил:

– Да-а-а... Я так и знал.

Несколько долгих секунд он смотрел мне в глаза, и я стойко выдержала этот взгляд. Затем, отвернувшись от меня, как от наскучившей игрушки, он произнес:

– Ладно, малютка, ты пойдешь с нами. Вот эти двое ребят доведут тебя куда надо.

– Нет! —отрывисто выкрикнула я, но на стебача это не произвело никакого впечатления.

– Ребята, – кивнул он головой в мою сторону, и те двое, всё это время стоявшие в стороне и, вероятно, находившиеся под его предводительством, одновременно шагнули ко мне.

Расширенными от ужаса глазами я видела, как они приближаются ко мне, протягивая руки. Руки, которыми они убивали.

Страх окутал меня, заставив сердце судорожно сжаться. Кругом враги, одни враги и предатели! Я различила голос Димы, но не понимала, что он говорит. Вокруг меня были огромные тела и тяжелое дыхание. Я кричала что было мочи, хотя прекрасно знала, что мне никто не поможет. Чей-то локоть больно ткнул меня в живот, и на пару секунд я умолкла. Чья-то мощная рука обхватила меня за талию, другая крепко зажала рот, мешая дышать. Я не глядя наносила удары, я билась за свою свободу, за свою жизнь, но силы были неравны. Огромная рука сжимала мой рот всё сильнее. Объем воздуха в легких сжался, я начала задыхаться. Я перестала бороться. Я отдалась на волю судьбы и ждала, пока всё закончится. Последнее, что я успела заметить, это небольшое белое перышко, плывущее надо мной на голубом фоне неба. Я уже не думала о том, где Дима и почему он не помогал мне освободиться. Он – стебач, и этим всё сказано.

Ещё один удар пришелся на голову, и я потеряла сознание прежде.

Глава 7

Я почувствовала боль прежде, чем открыла глаза. Она растекалась по всему телу.

Ещё я чувствовала, что лежу на чем-то жестком и холодном. Пришлось открыть глаза и заставить себя приподняться. Вокруг была темнота, только маленькая лампочка под высоким потолком тускло освещала очертания комнаты. Комната – это сказано слишком громко. Я находилась в каком-то подвале и остро ощущала недостаток удовлетворения всех потребностей вместе взятых: мне хотелось есть, спать, согреться, очутиться в безопасности...

В голове понемногу прояснилось, и я смогла по кусочкам восстановить в памяти события дня. Итак, я в плену. Пока меня не убили, и я не знаю, хорошая это новость или не очень. Означает ли это амнистию или просто временную задержку, чтобы доставить мне ещё больше мучений? Рассчитывать на какую-либо помощь извне не приходится. Дима оказался таким же, как они, и теперь наверняка будет способствовать дальнейшим беспорядкам в городе вместе со стебачами. А если нет – его убьют, это ясно. Надеюсь, он хотя бы не будет присутствовать при моей казни или что там они делают с приговоренными? Почему-то эта мысль наводила на меня больший ужас, чем то, что, возможно, жить мне осталось не больше пары часов.

Я ненадолго закрыла глаза, пытаюсь справиться с накатившей на меня тошнотой. Вдруг именно Диму заставят меня убить? Я представила, как он спускается сюда, сжимая в руках пистолет, как пристально смотрит мне в глаза, с той же холодностью, с которой всегда ко мне обращался, как внимательно прицеливается, как мягко нажимает на курок и безжалостно следит за вылетающей пулей...

Как же я сразу не подумала, что его холодность и отстраненность – не просто так. Это не просто плохой знак, это самая настоящая отличительная черта стебачей. И просто удивительно, как он не убил меня прежде. Возможно, для каких-то целей я всё-таки была ему нужна.

И всё равно, несмотря на очевидные факты, свидетельствующие о том, что Дима стебач, и что из-за него я оказалась здесь, в этом ужасном месте, пропахшем плесенью, – всё равно я не верила очевидному. Он ведь увел меня из эпицентра, он спас меня от стебачей, которые были «врачами», он помог мне вылечить ногу...

Дима – стебач...

Я в плену...

Меня убьют...

Этот кошмар мне снится. Это не может быть реальностью.

Я постаралась сосредоточиться и придумать какой-нибудь план. Иногда люди не сразу убивают своих врагов – хотят выпытать у них сведения. Но когда они поймут, что никакими, даже малозначительными сведениями, я не владею, тотчас сочтут меня ненужной.

А что, если... Что, если не дожидаться расправы и покончить с этим самой? Но едва подумав об этом, я тут же с отвращением поморщилась и мотнула головой. Мысль о самоубийстве вызвала у меня злость на саму себя. Докатилась! Ведь это то же убийство, только хуже. До какой же степени надо себя ненавидеть, чтобы лишиться самого ценного – жизни?!

Уцепившись за эту мысль, я стала размышлять, чтобы хоть как-то отвлечься от пустой реальности. Я всегда считала, что внешность, учеба, несчастная любовь – это лишь повод, красивый предлог, стремление к тому, чтобы тебя пожалели, о тебе заговорили. На самом деле за всем этим скрывается лишь один мотив – эгоизм.

Самоубийцы – слабые люди, не желающие решать свои проблемы или хотя бы перетерпеть этот сложный период, ту же несчастную любовь. Нет, лучше уж – чик! – лезвием по венам, прыжок с девятого этажа, и крутитесь-вертитесь сами. А то, что этим они прибавят страданий другим, любящим их людям, то, что эти страдания будут в разы больше, чем переживал сам самоубийца, что эти люди ни в чем перед ним не виноваты, а парень, из-за которого прыгаешь

вниз, услышав об этом лишь недоуменно поведет бровью и отправится на свидание с другой – об этом самоубийцы не думают. Также, как не хотят думать о том, сколько прекрасных, счастливых моментов в будущем упустят и никогда не смогут пережить. Это ведь неважно, главное, что сейчас плохо!

А сколько людей, которым ещё хуже: смертельно больным, прикованным к инвалидному креслу, потерявшим детей или родных, пережившим стихийное бедствие и вынужденным заново, без средств к существованию отстраивать свою жизнь – и они борются за каждый миг, за каждый глоток свежего воздуха! Но зачем думать о ком-то другом, если есть «я», раздутое до размеров Вселенной?!

«Никого не виню», «ухожу, потому что нет смысла в жизни»... Да смысл есть всегда! Как нет смысла, когда вокруг – страдания, нужда, болезни? Помогите другим, подумайте о ком-то ещё, кто нуждается больше тебя, и необходимость думать о собственной никчемности разом отпадет. «Нет смысла в жизни» – это значит «я никого не люблю». Любовь уже и есть смысл! Самый главный смысл быть, жить, дышать.

Странное ощущение внутренней пустоты на некоторое время покинуло меня. Я думала о своих родных и о том, что буду бороться до конца ради них. Мне представлялась мама с аккуратно собранными в пучок волосами, всегда стильно одетая – даже дома она никогда не ходит в халате или застиранной кофточке. У неё есть мягкий бирюзовый спортивный костюм, который немного молодит её. А ещё у мамы всегда королевская осанка, как бы тяжело ей не было. Она даже плачет с гордо развернутыми плечами. Я видела её плачущей только однажды, когда папа не пришел с работы, его мобильный не отвечал, а до этого они как раз поругались. Мама не находила себе места, хоть и старалась готовить ужин, убирать квартиру и вести себя, как ни в чем не бывало. А потом просто села на стул и заплакала. Мне было так жаль её. Я гладила маму по плечу и уговаривала успокоиться, но она всё твердила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.